

Александр Силецкий

ЗОЛОТЫЕ ВРЕМЕНА

СОЗВЕЗДИЕ АМНУЭЛЯ
SF&F

Александр Силецкий

Золотые времена

«Остеон-Пресс»

Силецкий А. В.

Золотые времена / А. В. Силецкий — «Остеон-Пресс» ,

Гротеск, сатира, фантастика, черный юмор – все эти жанры представлены под одной обложкой. На то есть веское основание. Советский Союз (кстати, уникальная страна, не имевшая самоназвания, – ведь с таким же успехом можно было писать не Союз Советских Социалистических Республик, а, скажем, Союз Дырявых Никелированных Чайников!) благополучно развалился уже четверть века назад, однако совковый маразм до сих пор продолжает жить и даже процветать в головах обитателей многих бывших советских республик (в том числе и в самой России). И не важно, когда разворачиваются события на страницах книги – в странном будущем, в диковатом прошлом или в абсурдном настоящем. Их все объединяет одно: неприятие советской идеологии и, таким образом, стремление хотя бы на литературном поле расквитаться с ней путем откровенного осмеяния.

Содержание

Предуведомление издателя	5
Историческая часть	8
Текст хроники	10
Раздел первый	10
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Силецкий

Золотые времена

(базарно-фантастическая хроника)

Предуведомление издателя

Мы предлагаем достославному обывателю эту Хронику ничуть не из желания позабавить либо удивить его.

Задача в принципе иная: просто были, есть у нас и еще долго будут вещи, о которых забывать нельзя, сколь бы безрадостно-пренеприятны ни становились они для всяких по ошибке добредших до власти жуликов и остолопов.

Уместно вспомнить здесь застольное речение Я. Идиопуло в канун Большой депертурбации: «Род людской на дураках стоит, а вперед идет, стремясь использовать по назначенью оных».

Впрочем – и это тоже здесь уместно вспомнить, – бесподобный циник и психолог, лучший друг сиротствующих вдов и девок, сызмальства обромантичевших вконец, проказник от познания мира Гоги Магогия в ответ неоднократно отмечал: «Как он родился Идиопуло, так и помер идиопуло». Умел сказать.

Но это уже – область, слишком темная для нас, тут мы разводим руки.

Подобным же образом ничего утешительно-толкового не можем сообщить насчет того, *кто* автор Хроники.

Когда шельмец Федотка Драноух нечаянно представлен был пред очи Түшинского вора и тот скаречно спросил: «Ну, что ты, харя, своровал исчо?», Федотка сумрачно ответил: «А фалдуй его знает... Фалдец – он, знамо, прииде незаметно. И шел бы ты к фалдую, государь», за что был милостиво выдворен пинком под зад, но после так, по щедрости, наказан, что, фигурально выражаясь, офалдеть.

С тех пор фалдуй ищут все, везде и постоянно. А на деле – форменный фалдец.

С автором Хроники примерно та же история.

Но не будем попусту тратить усилий.

Как написал справедливо мудрый Э. Э. Крепостных-Правов: «Начало проводить в соответствии с концом!», едва только приступил, полемизируя с бессрамным О'Фицдубовером, к работе над 720-томным трактатом «Курс перистательно-космогонической эстетики».

Он намарал, правда, целых 740 фолиантов, однако весь объем пришелся только на «Введение», где мудрый трудотерпец беспристрастно и толково процитировал подряд всех классиков, которых надобно и спяну помнить, и на том иссяк. Что дальше делать, он не знал.

Ныне трудно сказать – в связи с этим или нет, но вскорости после случившегося академист Подлищик публично заявил: «С цитатами не борются – их просто публикуют». Начальство, по велению народов, так ликовало, что Подлищику вручили в восемнадцатый раз Блямбу Драноела и, засушив при жизни для потомства в чине классика, оставили в покое, дабы дальше не мешал.

Нам такое не грозит: Хроника не длинна и никаких канонов явно не страшится, в равной мере не подобострастничая перед ними и не глядя на них свысока.

Так сказать, рукопись вполне благожелательного свойства – в отношении того, кто вдруг возьмется прочесть.

Чем же она примечательна?

Сперва коснемся несколько глубин истории. Так принято в кругах.

Еще настырный Диоген, бывало, громко и прилюдно сокрушался: «Земля ойкумен-ная – истинно колыбель человеческая, но не можно оному в колыбели вечно жити, ибо – срам»; и потому переселился жить в бочку.

Другой бедовый природопытатель, душа Циолковский, по случайности познавши диогенову премудрость, выражался постоянно в том же духе; тем не менее в бочку сам не полез, но зато придумал, как её не без изящества надставить сверху в точности такими же и – запустить ко всем чертям.

Так человек узнал свою дорогу в космос.

Кстати, о человеке.

Добрейший, кроткий, сладкозвучнейший певец любой нечаянной свободы Катаваса Пестик, страшивший всех своих врагов уж только тем, что в голове его рос постоянно фикус, а благородная душа была наполнена вегетарьянством (мы полагаем, эпитет «вольтерьян-ский», фигурирующий всюду, – явная описка угодливых историографов былых времен), – так вот, на смертном одре сей покровитель разных исчезающих народов, кротких вдов и особенно мальчиков из брошенных семей печально и смиренно сообщил: «Да, милые друзья мои, конечно, всякий человек – венец природы... Ну, а вдруг терновый?».

Впрочем, мы немного отвлеклись.

Первым навсегда – запомним это доброе словцо! – покинул Землю некто донской япо-нец Кукусаки Замураки.

При нем была любезная жена – акробатка Дуся. Она сложилась пополам, и муж, отбивши в дальнюю командировку, в чемодане тайно вывез супругу за пределы.

Обратно они не вернулись.

Донские японцы долго ликовали.

Мы не станем красочно и с разными деталями распространяться, дабы не вызвать у почтенных обывателей непредсказуемых порывов, о том, какая вскоре смута поднялась среди тогдашних обитателей Земли.

Все требовали предоставить право – каждому, бессрочно – лететь, куда хотят, и оста-ваться, где сумеют.

Понятно, вместо права был немедленный запрет: эдак все бы чохом улетели, а кто бы на Земле тогда пахал?!

Но – дело давнее, пережитое. Почти забытое. Чему в немалой степени способствовал обидно рано, но без мук преставившийся от обжорства Ляпикордусь-Сінекюр. Его знаме-нитый афоризм: «О, эти интеллекта гривуазные скачки! То запоры, то поносы. А когда же размышлять?».

Говорят, философ был отменный, вот только в обществах порой чудил, а польза, при-несенная им отечеству, неоценима навсегда.

Был последний Изначальный Теоретик. Всему стремился придать вечную форму, оттого достойную пренебреженья.

Короче, космос заселили понемногу. Экспедиции различные шныряли взад-вперед.

Но среди прочих – тоже, несомненно, знатных – была все-таки одна, особо замечатель-ная и потому для благосклонного обывателя достойная сугубого интереса.

Как ее запомнили – совершенно непонятно. Ведь после нее как раз такая карусель завертелась, столько мошенников, точно грибов после дождя, в мире развелось!..

Кто-то, видать, крепко напортачил, заправляя делом, а потом, дабы не быть уличёну самому, решил всё вообще забвению предать.

Известный трюк.

Но, подобно классику, на радостях воскликнувшему: «Рукописи не горят!», мы в свой черед скромно обмолвимся: «Дела не тонут!».

И впрямь: всплыло дельце, что бы там ни вытворяли, норовя его сокрыть, и рукопись не сгоревшая, Хроника – вот она, милейший обыватель!

По правде, рукописей несколько, но они все – дефективные, так что годною к употреблению является только одна, разысканная прежде остальных.

Надобно отметить, что вначале, до печального забвения, едва та злополучно-эпохальная – во многих смыслах – экспедиция вернулась, ей прочили место в ряду легендарных и, кроме эпитета «вселенская», никаких других, менее звучных, к ней не прибавляли.

Но это пусть не удивляет, в истории подобных случаев – не счесть.

Как водится, всякий вздор и досужие рассказы разлетелись тогда по свету, и подлинный образ экспедиции в том смутном и неверном ореоле потускнел, превратно исказился, а после и совсем пропал.

Ныне мало кто, даже если что и помнит либо краем уха слышал, способен правду отделить от вымысла.

Обычная история!..

А время всё с усердием поставить на свои места, нам кажется, пришло.

Вот потому-то мы и взяли на себя труд извлечь из архивной пыли доподлинные хроники той удивительной эпохи.

Тексты, при сличении, оказались весьма разношерстными и порой противоречили друг другу самым бесстыдным образом, что не мешало им всем, однако, начинаться фразой: «С гор потянуло восхитительным ароматом...»

Почему «восхитительным» – неизвестно, на сей счет объяснений нет.

Но, в конце концов, пахло же там чем-то!

Не бывает стерильных планет, если не завелся где-то хоть единственный микроб.

А уж насчет микробов – можете не сомневаться. Разум во Вселенной был всегда исконно плодovit.

Так что оставим эту фразу на совести хроникеров.

Тем более что основная Хроника, которая не содержала никакой сумятицы в изложении фактов, даже будучи порою фрагментарной, также начиналась с пресловутой фразы. Возможно, это и была первая правдивая запись истории, каковую потом мусолил всяк, кому не лень.

Текст данной Хроники, полный и неизменный, мы ныне предлагаем к чтению.

Мы даже (а сомненья, надобно признаться, все же были!) сохранили разные позднейшие приписки, встретившиеся на полях рукописи, – с одной лишь целью: показать, как уже с самого начала на стержень голых фактов безымянные олухи царя небесного пытались нанизать какие-то свои соображения.

И пусть в итоге видят все, что **правда** никогда не доходила до людей без завиральных уточнений.

В этом, мы считаем, вся ценность – и на грядущее урок – проделанной нами работы.

В надежде на твое внимание, наш добрый обыватель, – заранее благодарим.

Тристарм Нижегородский Орбитальный

*Писано на Лигере-Столбовом
в лето 225 от Начала Лупанария*

Историческая часть (из собрания «Архив и невесть»)

Вот – правда.

Славная планета Лигер-Столбовой пребывала в трансе.

Будучи самым подающим надежды внешним поселением Земли, она этих надежд, вопреки всему, не оправдала.

Собственно, не оправдывала она их давно, но как-то всё по мелочам, которые и удавалось до поры до времени заслонять добротнo-второсортными успехами.

И вот теперь над Лигером-Столбовым нависли тучи.

Матушка Земля – Праматерь Цивилизаций – пораскинула дряхлыми мозгами одряхлевшего Совета Постоянных Мудрецов, в народе именуемых любовно *мудраками* (или *думаками*), и порешила, что с Лигером-Столбовым пора кончать. Пора его, стало быть, упразднить и расформировать по оставшимся и еще подающим надежду другим мирам-колониям.

Матушка Земля к тому времени музеем самой себя стать еще не успела – это у нее было впереди.

Она по-прежнему – и по старинке – наобум законодательствовала во вселенной и полагала, что является планетой, самой что ни на есть в соку.

Зря полагала.

Потому как, трезво оценив обстановку, сама же через двести тридцать девять лет объявила себя бесценной музейной реликвией, отошла от вселенских дел и с немалым рвением принялась творить на ниве реставрации и сохранения. Всего, что успела нажить в период цивилизованного существования.

Но это случилось после.

А пока что Матушка свое реноме стремилась поддержать любым путем.

Почувяв надвигающийся кризис, свой, так сказать, культурно-исторический и прогрессивный климакс, Праматерь спешно основала разные колонии, поскольку никаких контактов с иными, чужеродными цивилизациями до тех пор не установила – не встречались эти иные цивилизации, и всё тут!

Расчет был изумителен и прост: пусть-ка в колониях пообживутся, пооботрутятся, на новом месте что-нибудь толково-дельное создадут, а там уж можно эти достижения и во славу собственного несказанного прогресса без хлопот употребить.

Эдакий уютненький союз вполне родных федеративных и сговорчивых колоний. Неделимо-братский, так сказать, союз. В клубке невиданных духовных скреп...

И как что новенькое – хоть мизерно перспективное – вдруг где-либо проклюнется, немедля эту самую новинку – с пылу-жару – волокут на Землю. И кратчайшими путями, без заминки, чтоб – ни-ни! – не устарело! А Земля за то благодарит...

Все колонии состояли на матушкиной дотации, она же цвела на их иждивении.

Вот так гармонично и развивались. Так и удивляли мир, то бишь друг друга.

Разумеется, не все шло гладко.

Иные колонии, отменно прогрессируя, новинок разных выдавали на-гора, зато другие, тоже в общем-то тихонько прогрессируя, на Землю ни черта не поставляли – корпели над собственными интересами, и точка.

Таким колониям Земля давала срок, чтобы подумать и исправиться, а ежели толку не было все равно, то попросту их прикрывала.

Потому что ни с какого боку не было резону зазря на бесперспективные миры транжирить средства, и без того скудеющие день ото дня.

Лигер-Столбовой, надо признать, всегда был на самом хорошем счету.

Но то ли объективные законы развития стали таковы, то ли еще что – во всяком случае с некоторых пор все приобретаемые новшества вдруг сделались полезны исключительно для одного Лигера, а вот для Земли – ничуть.

И как уж только ни старались на Столбовом, как ни ухищрялись – все без толку.

Матушка, понятно, обижалась, серчала, требовала, устанавливала новые сроки – каждый соблазнительней другого, дабы на Лигере образумились в конце концов! – унижалась даже, немыслимые премии авансом выдавая (для поднятия прогрессивного духа, как с восторгом сообщали вдумчивые летописцы), но в результате не стерпела: было решено – еще сто лет, и баста. Лигер упраздняют, жителей расселяют, цивилизацию разваливают раз и навсегда.

Чтобы другим впредь было неповадно, а то и вправду – возмутительно!..

Лигерян, само собой, такая перспектива вовсе не устраивала.

Откровенно возроптать они не смели – по давней и неписаной традиции все в округе отчаянно боялись Праматери Цивилизаций.

Оставалось одно: и дальше вздорно уповать или же срочно что-то придумывать.

Уповать в принципе было не на что.

И тогда на Столбовом взялись за дело.

Срочно сформировали Курсы Космических Изыскателей (сокращенно – КУКИЗЫ), которые ежегодно шпалерами выдавали толковых Спасителей Нации (в народе – *«звездонёров»*, а совсем уж по-научному – *«спейсотусовициков»*, как значилось в секретных документах).

Эти самые Спасители, заполучив наваристый диплом, пригодный к потреблению везде, садились в звездолеты (в силу срочности изготовления все – педально-штучные, с резьбой народных мастеров сугубо на корме, последний писк эпохи *нанолита*, самого передовитого, что наработала людская мысль) и взмывали к далеким светилам – в надежде найти хоть одну порядочную цивилизацию *действительно чуждого* разума.

Такую вот цивилизацию Лигер и собирался подсунуть Земле, а там, как говорится, хоть трава не расти.

Самый факт установления Контакта напрочь снимал бы с Лигера-Столбового все долговые обязательства. Потому как столь жирного подношения Матушке не делал никто отродясь.

Но экспедиция уходила за экспедицией, а заветного Контакта – все не было.

А срок, отпущенный Лигеру, между прочим, потихоньку истекал. Еще три года – и конец.

Славная планета Лигер-Столбовой пребывала в трансе.

Дело пахло катастрофой.

Вот – правда.

Текст хроники

Раздел первый

Приписка на полях:

Всё вранье!

Пункт первый

С гор потянуло восхитительным ароматом.

Луга, покрытые белыми цветами, тихонько шуршали, как новая крахмальная рубашка. Желтая река сверкала в лучах восходящего светила и как бы вспять текла. Неторопливо, полноводно.

Пейзаж был совершенно инородный, но – привлекательный весьма.

На берегу реки, будто кряжистый пенек среди высоких трав, стоял космический корабль.

Весь обшарпанный, рубленый из толстых крепких бревен, он бычком, чуть скособо-чась, возвышался на пяти заржавленных распорках, а из маленькой трубы в носу по-домашнему вился к небу синий дымок.

Тишина кругом царила необыкновенная.

А ведь всего лишь час назад какой был грохот при посадке! Дранка и щепка летели аж на километр!..

Приписка на полях:

Не забыть: ракеты – суть нетленный продукт умоприкладства человеческого! Нет им равных и не будет. Рассужденьем поделился Бумдигцунпнер.

Каюта в ракете была тесная, низкая, заставленная шкафчиками, сундучками, коробами, этажерками, ларями, среди которых громоздилась всяческая сложная аппаратура, полированная в тон к обоям на стенах.

Это была кают-гоп-стоп-привет-компания, она же – рубка управления, столовая, гостиная и спальня.

Туалет (с сидением на вате и чугунным рукомойником) был вынесен наружу, в теплую пристройку, – экипаж категорически на этом настоял.

Так что в космосе – и ближнем, и далеком – теперь летала масса удобрений...

Гостевой диванчик в углу за годы странствий весь облез, а край стола, что громоздился посреди каюты, вместо ножки подпирало суковатое полено. Ножка сломалась давно, при посадке в одном из миров.

Ракета была старой конструкции. Но летала исправно.

Экипаж любил ее пуще родного дома.

Был во всем ее облике некий шарм, неуловимый сельский колорит.

Вроде бы и в дальнем космосе летишь, пространство покоряешь, а одновременно – как на даче...

Двое из экипажа, склонясь над столом, истово решали полувековой давности кроссворд – они взялись его решать еще в полете, сразу же, как стартовали, и, неукоснительно следуя мудрой поговорке: «Кончил дело – гуляй смело», домучивали теперь последнюю вертикаль, чтоб без помех уже начать первопроходствовать в неведомом миру.

Их капитан Матрай Докука – маленький, отравивший себе изрядное брюшко человек совершенно неопределенных лет, в натуре лысый, однако в парике и с огненными бакенбардами – стоял, скрестивши руки на груди, и щурился, как кот, выглядывая в иллюминатор.

– Ну, вот и прилетели, – размышлял он вслух. – Пятая планета у меня. М-да... Прямо юбилейная цифирь! Неужто и здесь – ничего? Хреново... Сами творим свою судьбу! Спешу не торопясь, вселенная не любит торопливых. Но – Контакт!.. Намек бы только... И – в ажуре!

– Это мы сейчас проверим, – на миг отрываясь от кроссворда, с готовностью откликнулся очкастый Пупель Еня, ракетный лекарь, швейцар, лингвист и зоологический футуролог. – Гей вы, братья, где вы, дурачье? – внезапно гаркнул он с такою силой, что капитан с испугу вытянулся во фрунт.

– Да тише ты! Людей пугаешь... – возмутился геолог, схимник, ракетный гусар, бармен и климатолог Ривалдуй. – Постеснялся бы – не на Лигере ведь! Чужая сторона...

Он было вскочил, но, зацепив ногой полено, обвалился вместе со столом.

– Так-так, – сказал Матрай Докука, – опять ты, Ривалдуюшка, мебель крушишь. В другой раз к столу тебя не подпущу. Питаться будешь на полу. Чини теперь!

Ривалдуй скорчил капризную гримасу, подкрутил свои могучие пшеничные усы и начал медленно вставать, кряхтя и опираясь на полено.

Потом брезгливо, одним пальцем, приподнял край стола и полено водворил на место.

– Ах, впервые оказался в новом мире!.. – меж тем восторженно поведал Пупель Еня, продолжая сидеть как ни в чем не бывало. – Сбылось-таки! Поверите, душа поет!..

– У всех поет, – буркнул Ривалдуй, для которого этот мир уже был третьим. – Оно, конечно, планетка ничего себе, цветет. Только и проводить здесь свои отпуска. Построить домик, разбросать аллеи, выставить забор...

– Вот-вот, – оживился Матрай Докука, – я так и знал. Да-авно подозревал... Ты жалкий практик, приятель. Никакого романтического пыла! Вот если бы ты вдруг предположил, что в ближайший час нас вышибут отсюда, я бы с удовольствием поспорил. А так... Даже и не интересно. Что скажешь, Пупель?

Пупель Еня оторвал свой зад от стула, с умным видом пересек каюту и наконец-то выглянул в иллюминатор. Смотрел он долго, изредка вздыхая и зачем-то загибая пальцы на руке.

– Не вижу следов разума, – сварливо произнес он. – Никаких. Девственный мир... Куда летели?!

– Это уж ты капитана спроси, он тебе расскажет, – гадко ухмыльнулся Ривалдуй и полез в шкафчик за бутылкой заветного питейного «Утренняя радость № 3» и мерными хрустальными стаканами. – Ну-ка, тяпнем за удачу. Всё же – прилетели. И ракета при посадке не побилась... Я всегда говорил, что мы – везучие!

– Везучие, – мигом подобрев при виде бутылки, согласился капитан. – Еще какие везучие! А ну-ка, Пупель, доставай грибочки. Вот отпразднуем – и можно выходить. Но как-то... маловато снеси на столе. Что, больше ничего нет в погребе?

Приписка на полях:

Иные умники от нашей праведной истории уж слишком часто что-то тычут пальцами в означенный ответ капитана, сокрушаясь над его потаенной горечью, которая-де была вызвана скудостью ракетных погребов. Это – несусветное вранье! В вахтенном журнале экспедиции дан точный перечень тех блюд, что были якобы съедены, и тех напитков, кои были якобы выпиты в то роковое утро: «Сытного: 40 чарок водки из люстрины, 6 кружек люстрины, 6 кружек сальского. Медов: 2 ведра вишневого, 2 ведра смородинового, 2 ведра обварного, 2 ведра паточного, 2 ведра цеженого; 3 ведра пива ячного; к ним хлебцы

с калачами. Изросчатых еств с украшениями: 3 курника с древками, 3 пирога марцыфана, пирог белоужской. Гладких еств: блюдо пирогов кислых, блюдо пышек, блюдо пирогов пряженных, блюдо карасей больших тестовых, блюдо сырников, блюдо жаворонков тестовых, блюдо блинов тонких, блюдо блинов пышных, курник колобовой, курник пресной, блюдо пирогов подовых колобовых, коровой яйцой, коровой ставлений, блюдо пирогов ощишных. Кормов основных: гусь под черным зваром, косяк буженины, утя под лимоны, окорок свинины, куря под лимоны, куря под огорцы, тетерев под сливы, 3 ряби под лимоны, тетерев жаркой, 3 ряби жаркие, гусь жаркой, утя жаркое, пороса жаркое, пороса росолное, 3 куров жарких, кострец говядины, гусь во штях, утя, штуки в капусте, штуки с лимоном. Напитков от жажды: 24 фляги». Возможно, в цитируемой записи и содержатся отдельные поэтические преувеличения, однако общей достоверности они не умаляют. Мы полагаем, это просто перечень всех съестных запасов корабля. К тому же приведенный список (нами тщательно изученный и потому не подлежащий всяческому досужим уточнениям невежд) немало проясняет в нашей замечательной истории. Впредь желательно всё историческое делать натоцак. И ничего заранее не пить. Рассужденьем поделился Бумдигцунпер. (См. комментарий.)¹

– Итак, кому идти в разведку? – осведомился капитан.

Пупель Еня лишь пожал плечами. Ему не то что было все равно, но – как-то боязно...

Ривалдуй выудил из банки крепенький грибочек, не жуя, проглотил и томно подпер рукою щеку.

– Пожалуй, как геолог, схимник, гусар, бармен и климатолог я должен идти первым, – сказал он. – Как бармен – особо. Тут любому ясно...

– Вот уж дудки! – возразил Матрай Докука. – Зашустрил мальчонка!.. Цыц! И впредь не выступай! Как капитан звездолета, как ответственный за всю экспедицию первым должен идти я! К тому же я еще и социолог философских фобий. Вдруг ненароком встречу местный разум? Может ведь такое быть?! Тут мне и карты в руки. По идее, ежели во всем следовать инструкции, я с ним сумею быстро столкнуться.

Ривалдуй покорно шмыгнул носом.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала, – пренебрежительно отметил Пупель Еня. – То ли ты встретишь, то ли нет... А у меня – всё будет под боком. Вахта трудовая и сторожевая... *Кто* распахнет дверь перед чуждым разумом? Швейцар! Так что, кэп, если уж здраво рассуждать...

– Перечить, да? Травить начальство?! – вдруг рассердился капитан и начал медленно вставать из-за стола.

Приписка на полях:

*Пытатели истории давно предположили (нынче-то особо ценится как раз не **знание**, но ловкое **умение** предположить! – См. комментарий), что у всей троицы и во время полета, и при посадке, и в блужданиях по планете единомыслие практически отсутствовало. Каждый гнул свою линию. Это не мешало им быть, однако, монолитным коллективом, уже хотя бы потому, что лишь отменно монолитный коллектив способен натворить столько дел!..*

– Ножку, ножку не задень! – завопил Пупель Еня.

Матрай Докука несколько томительных секунд не шевелился, коршуном зависнув над столом, потом сокрушенно качнул головой и неуклюже сел назад.

– Так, кэп, кто все-таки пойдет?

¹ См. сохранившиеся комментарии в конце Хроники. Нашей правки нет. (Прим. – *Тр. Ни. Ор.*)

– Кто? Я! То есть...ты! Хотя... Ну, я не знаю! Бросим жребий.

– Как это? – не понял Ривалдуй.

– Ну вот... – обиделся Матрай Докука. – Неуч, одно слово! Что ж ты, никогда жребий не бросал?

– Монетку, значит?

– Именно! По-моему, честнее просто не бывает.

Матрай Докука разом встрепнулся, приободрился, и вид у него сделался совершенно шулерской.

– А может, лучше в домино забьем? – с надеждою заметил Пупель Еня. – Древняя игра... Соединим приятное с полезным...

– Нечего! Я все твои уловки знаю наперед! – решительно отрезал капитан.

Он крикнул, лучезарно улыбнулся и, жестом фокусника расстегивая бесчисленные кнопки, пуговицы и молнии, принялся поспешно шарить в карманах.

– Нету, – через минуту с отчаявшейся физиономией провозгласил он.

– Чего – нету?

– Да монетки! Одни купюры, как на зло... Вы ж сами знаете: я сейфов не люблю, всегда ключи от них теряю, а так – разложишь деньги по карманам, если очень надобно – в каком-то обязательно найдешь... Целее, значит...

– Кэп, – жестоко начал Ривалдуй, – ты сказки не рассказывай. Все деньги экипажа у тебя. Что значит – нет?! Куда мелочь девал?

– Действительно, – ввернул с усмешкой Пупель Еня.

Матрай Докука, покрывшись испариной, вновь пробежался по карманам, вытряс на стол кучу всяческого хлама, зачем-то полез за пазуху, но – безрезультатно.

– Ребятки, – простонал он, – пусто! Я не вру вам. – И вдруг хлопнул себя по лбу: – Ах, фалдец, растяпа я! Совсем забыл! Тряска при посадке какая была?! Вот все монеты и повывлетали из карманов. Раскатились по щелям, – он обвел рукой каюту. – Выгребать теперь оттуда, выковыривать по одной...

– А я ведь вон когда предупреждал, что пол пора перестилать!.. – злорадно заметил Пупель Еня.

– Ну, будет, – сказал Ривалдуй. – Подумаешь – монетка!.. Не время препираться. В самом-то деле, кто лучше справится с работой?

– Автоматы, – вздохнул Пупель Еня.

– Золотые слова! – просиял Матрай Докука. – Как это мы сразу не догадались?! У нас же автоматов на борту – что на Лигере тараканов! Даже, может, и поболее... Всё. В первую разведку отправляются только приборы. Нам и у ракеты хватит дел. Еще успеем...Пойду спущу самокрутку. Вы тут посидите...

– Но-но, кэп!.. – мигом рванулся за ним Ривалдуй, вновь сокрушая стол. – Мы, как дураки, здесь останемся, а ты сядешь в самокрутку – и был таков?!

– Нет, мои дорогие, не волнуйтесь, – сердечно признался капитан. – Я диванчик оттуда к себе в командирский закуток давеча отнес, так что сидеть в машине не на чем теперь. А на железном полу в мои-то годы... Застужусь!

Ривалдуй поежился:

– И вправду – что-то зябко мне и сквозко... Пупель, пойдй форточку прикрой.

– Не сумею, – развел руками Пупель Еня. – Шпингалет полетел. Еще дня три назад. Герметизация – тью-тью.

– А надо было аккуратно, – разозлился Ривалдуй. – Свежести ему, видите ли, не хватает! Жарко спать! И так всё на соплях... А починять, конечно, мне?

Меж тем Матрай Докука стремглав вылетел из каюты.

Приписка на полях:

Все трое не были растяпами в буквальном смысле слова. И на слабость рассудка не жаловались. Это были просто милые, законченные первооткрыватели. Снейсотусовицики с заглавной буквы. Их даже уважали во всех отделах КУКИЗЫ.

Пункт второй

Неуклюже переваливаясь, самокрутка заскакала по белому полю.

Потом над прозрачным куполом кабины, где размещались кой-какие, особой рукодельной ценности, бортовые аппараты, а также разноцветные флажки и петарды, взревел, прибывая траву, могучий винт.

Машина, выпустив нежное облачко экологически чистого едкого дыма, рванулась ввысь, сотворила мертвую петлю – и мигом испарилась.

Тогда на обширную, еще при посадке славно утрамбованную лужайку окрест корабля многошарнирные кидательные краны вышвырнули разные самоходные самописцы, самопальные самокаты и всякую полезную всячину сверх этого, впакованную в цветастые ящики с дорогими эмалированными запорами.

От весьма чувствительных ударов особенно хлипкие ящики в момент вдребезги поразлетались, и тотчас из них принялись выскакивать, выцеживаться и выползать, то подвешиваясь со всех сторон к посадочным распоркам на витых рессорах, то закапываясь напрочь в землю, хитроумные научно-кубистические приборы – пищание, стучание, скрежещущие, тикающие, икающие, хлюпающие, булькающие, снующие, содрогающиеся, извивающиеся, брыкающиеся либо просто немые и неподвижные, как добротные чурбаны.

Не прошло и десяти минут, как сотни аппаратов – все в толстой паутине проводов – окружили звездолет.

Так сразу и не разберешь, что именно теперь стояло: не то пугало, не то корабль, не то какие-то, особой ценности руины...

Словом, конспирация – по высшему разряду!

Многопредметные блиц-варганщики изящно посворачивались и моментально юркнули в уцелевшие пустые ящики, а прыгающие амбарные замки хищно позамыкались на эмалированных запорах и петлях.

Пункт третий

– Во дают! – любуясь в иллюминатор, невольно причмокнул Ривалдуй.

– Что – дают? – суетливо спросил с порога капитан, поправляя на голове сбившийся парик.

– Автоматика – на уровне, – пояснил Ривалдуй. – Фантастика! Сплошной шарман! Не устаю балдеть.

– Ну, тут тебе нет равных, Ривалдуюшка, – довольный, закивал Матрай Докука. – Ишь, красавцы! Порасставились... Ладно, выкурим по сигаретке за здоровье души и спустимся. Походим малость, разомнемся... Или выкурим – потом?

– Да после, кэп, конечно! – поддержал немедля Пупель Еня, начиная собираться на прогулку. – На свежем-то воздухе, в тенечке – куда как лучше!

– Тогда всё, заметано! – рубанул рукой Матрай Докука и встряхнул бакенбардами. – Будем выходить! А, кстати, воздух точно там не ядовитый? Проверяли?

Пункт четвертый

– Ну и жарыща, вот не ожидал! Прямо тропики, хоть голый бегай, – пожаловался Пупель Еня, и с носу его капнуло. Он вздохнул и покосился на корабль: – Не то что у нас в ракете, в холодильнике этом...

– А я предупреждал. И нечего было форточку, пока летели, раскрывать, – язвительно отметил Ривалдуй.

– Вернемся – печурку хорошенечко протопим, дров до будущего года хватит, – пообещал Матрай Докука. – А пока – работайте, ребятки, работайте.

– Да вот ведь, фалдуй побери, неувязочка какая, – сокрушенно завздыхал Ривалдуй, – поверишь ли, кэп, только вышли – а уже устал. На что это похоже?! И Пупель, смотрю, тоже скис. Нет адаптации!

– Что ж, можно чуточку и отдохнуть, – сейчас же согласился капитан. – Насиловать себя ни к чему. Здоровье дороже. Объявляю перекур!

Они вспрыгнули на ящики и тотчас задымили.

Солнце стояло почти в зените, ветра не было совершенно, и тишина кругом царила просто сказочная.

– Только бы нам повезло наконец! Так хочется!.. – мечтательно промолвил Ривалдуй и выпустил одиннадцать колец подряд. – Великий Контакт! Эх, мать честная...

Он лег на ящик и уставился в бездонное небо.

Приписка на полях:

Надобно с прискорбием отметить, что за все время эпохальных космических странствий лучших его сынов и дочерей Лигер-Столбовой отыскал лишь одну планету, где наблюдалась вроде бы высокоразвитая жизнь. Но существа там обитали диковатые, и с ними никак не удавалось наладить Контакта. Поговаривали, правда, будто некоторые, наиболее смысленные из них, приноровились кланяться милостынню у первооткрывателей, однако слухи эти подтвердить не удалось. Местные были очень застенчивы и никаких проверок на разумность не желали проходить. Была лишь одна пикантная деталь, мешавшая матерым скептикам поставить на планете жирный крест и навсегда признать отсутствие какого-либо разума на ней: во всех проверявших, что настырно прибывали раз за разом, местные с остервенением кидались камнями. Как завидят, так и швыряют. Иногда довольно метко... Словом, вопрос о вселенском наличии мысли, пригодной для Контакта, оставался в те поры открытым. И пусть зануда Бумдигипуппер в разных там статьях на этот счет не сочиняет! (См. комментарий.)

– Да-а, братишечки мои, и впрямь – найти бы разум... – произнес Матрай Докука безнадежно. – Пусть хоть самый захудалый, самый тухлый... Но – чужой! Тут нам и слава, стало быть, и ордена. И бесплатные баранки.

– Я бы тогда подарил своей жене бриллиантовые, на печатной схеме, квазибусы, – томно сообщил Пупель Еня и тихонечко вздохнул. – Она уже который год пилит меня из-за этих бус. У всех соседок, дескать, есть...

– А я тогда куплю себе аглицкие ботинки на антигравитационной подошве, – пообещал, переворачиваясь на живот, Ривалдуй, и взгляд его сделался жестоким. – Сызмальства мечтал. Без веса, а пинать такими – наслажденье. Не жмут в колодке, и вообще...

И в это самое время в отдалении послышались шаги.

Все трое разом прекратили разговоры, обернулись, еще не понимая, что случилось, и...

– Офалдеть! – охнул Пупель Еня. – Легки на помине...

По белой цветущей равнине, явно направляясь к ракете, двигались три фигуры – ну, в точности человеческие. Они сильно размахивали при ходьбе руками и – это было заметно с первого взгляда – очень спешили.

Когда местные приблизились, стало очевидно: выглядят они вполне убого.

Усталые, изможденные лица, нечесанные волосы, худые тела, едва прикрытые какими-то разноцветными лохмотьями, тяжелое, натужное дыхание...

Короче, вид у туземцев был, что ни говори, малоученый – воистину самоварные, квасные рожи!..

При этом каждый из пришельцев держал в руке длинный, на конце загнутый кренделем стержень – нечто, наподобие пастушеского посоха. А может, даже символ власти...

Приписка на полях:

Некоторые хроники, напротив, называют туземцев исключительно красавцами-мужчинами. Но это – ложь. Тем более что авторами тех хроник были девы. Старые и кабинетные. (См. комментарий.)

Пункт пятый

– Братцы, вот они – идут, идут!.. – страшным голосом завопил Ривалдуй. – Контакт! Ну, наконец-то!.. Чужой разум! Ура! – Он на несколько секунд замолчал, а потом сконфуженно добавил: – Я боюсь.

– Почему? – строго спросил Матрай Докука.

– Да так, знаете ли... Ждали, конечно, но... все равно – как снег на голову... Глядишь, что-нибудь не так ляпнем, не так посмотрим... Это вам не ляды с лигерянином точить, тут дело посложней. Идут, идут, голубчики!

– Верно, – закивал Матрай Докука. – Замечание по существу... Мы теперь – весь Лигер-Столбовой для них. А за нами – матушка-Земля. Как бы не осрамиться...

– Может, лучше уйдем? – робко предложил Пупель Еня. – Может, в следующий раз? Потом?

– С ума сошел! – ахнул капитан. – Ты думай, что болтаешь! И когда ж это – потом?.. Столько ждали, столько искали – и теперь в кусты?!

– Я с ними говорить не буду, – упрямо заявил Ривалдуй. – Искать разумное – всегда готов, а вот контакты разводить с ним... Я такому не обучен.

– Ну, а кто обучен? – взвился капитан. – Курсы кройки и контактов – это курсы, да?!

Он косо глянул в сторону туземцев.

Те уверенно и торопливо шагали, выстроившись гуськом, и лица у них были непроницаемо-сосредоточенные.

Спейсотусовщиков они как будто и не замечали. Глядели себе под ноги да с остервенением топтали траву.

– Кэп, – уныло подал голос Пупель Еня, – я, пожалуй, тоже не буду вмешиваться. Это как-то... слишком сложно для меня. А ты – наш вождь, верховный, так сказать, главнокомандующий. Вот теперь верховно и сглавнокомандуй что-нибудь, тряхни браздами... Ты ж всегда хвалился...

– Да вы что? – растерялся капитан. – Вы серьезно? Я не справлюсь один.

– Ты, кэп, говори, – успокоил его Ривалдуй, – а мы поддакивать будем.

– Но это предательство!

– Кэп, мы не предатели, – звенящим голосом и со скорбной миной на лице признался Пупель Еня. – Просто мы поняли, что это дело – не для нас. Всю жизнь мечтали, надеялись, а теперь вот, когда встали перед фактом... Зря надеялись. Заряд не тот.

– Ну-ну. Поздно сообразили, – пробурчал Матрай Докука. – Кончились каникулы. Эти орлы уже здесь!

Пункт шестой

Аборигены, замерев невдалеке, молчали и лишь шумно переводили дух.

Потом разом выстроились, точно выставили футбольную стенку, и глупо и просветленно заулыбались.

Матрай Докука, нахохлившись, незаметно ткнул своих спутников в бока.

И тотчас все трое заулыбались в ответ, однако вышло это как-то нарочито и даже странно, будто некто разом приложил к их лицам маски с растянутым до ушей ртами, из уголков которых вызывающе торчали дымящиеся окурки.

Так они на сколько-то времени и застыли друг против друга: туземцы – сбившись в плотную шеренгу, а космонавты – верхом на ящиках.

И никто не отваживался первым сделать хоть одно движение...

Только на лицах у всех продолжали блудливо играть восторженно-приторные улыбки. Да бегающие глазки смотрели с опаской и подозрением.

Наконец сигарета у Ривалдуй почти совсем догорела и обожгла ему губу.

Он подавился, тихо взвыл и выплюнул чинарик.

Аборигены вздрогнули и заулыбались еще шире.

Бравых спейсотусовщиков от такой накладки прошиб холодный пот.

– Н-ну, – не выдержал Пупель Еня, на всякий случай кося рот и стараясь, чтобы губы почти не шевелились, – так мы и будем сидеть?

– Посидим, – кислым голосом отозвался капитан, кося рот в другую сторону.

– Чего мы ждем?

– Подождем... Пусть они чего-нибудь скажут.

Но туземцы, радостно осклабясь и закатив глаза, казалось, не вменяли.

– Черт знает что, – прошипел тихонько Ривалдуй, – я ногу отсидел.

– Попрыгай, если хочешь, – еще тише прошипел в ответ Матрай Докука.

Ривалдуй крепко зажмурился, собрался с духом и – слез с ящика.

Аборигены робко отшатнулись.

– Боятся, – с нотками ревнивой радости констатировал капитан.

Аборигены сбились в кучу, один из них, тревожно зыряка в сторону космонавтов, что-то пролопотал на ухо своему соседу – тот согласно кивнул, и трое пришельцев опять, как и в самом начале, умильно уставились перед собой.

– А у них палки с крючками, – сказал Ривалдуй.

– Ну и что? – спросил Пупель Еня.

– Так, ничего.

– Много ты знаешь!

– А все равно – не люблю я так. Не люблю, когда на меня глаза пялят.

– Вот и ты тоже пяль!

– А я что, по-твоему, делаю?

– Слушай, кэп, ну, скажи им хоть что-нибудь, – взмолился Пупель Еня. – Я с ума сойду от этой... неопределенности. Да-да!

Матрай Докука счел за лучшее промолчать и лишь сосредоточенно начал взбивать густые бакенбарды.

– Так ведь они уйдут, – предупредил Пупель Еня. – Постоят-постоят – и уйдут. Чего им тут время терять? А потом будут всем говорить, что мы какие-то придурки. Двух слов связать не можем.

– Я им покажу придурков! – оскорбился капитан.

– Тогда скажи что-нибудь.

Матрай Докука принялся с отсутствующим видом смотреть на облака.

– А они на разбойников похожи, – вдруг задумчиво заключил Ривалдуй. – И глаза у них бегают, и одежда рваная. В натуре – колдыри! С детства запуганные головорезы. Небось, удрали...

– Ну, ты уж скажешь! – усмехнулся Пупель Еня, поправляя на носу очки. – Удрали!.. Впрочем... Мир чужой, непредсказуемый! Тяжелая у них, как видно, жизнь. Борьба видов... Мичуринский отбор... Жаль их. Жаль!

И эти, вовремя произнесенные слова решили дело.

– Да, мой милый, – воодушевился капитан, – ты совершенно прав. Мы – гуманисты. И потому наш долг: сделать так, чтоб всем им стало несравненно лучше, чтоб они догнали нас и даже перегнали – хоть по всем статьям! Нам ведь не жалко. Пусть!.. Пускай Земля потом с ними возится. Подарочек ей в душу!..

– Так-так-так... Ты все же будешь говорить, кэп? – осведомился Пупель Еня.

– Да! Теперь-то я им всё скажу!

Он резво вскочил на ноги, лихо притопнул, словно проверяя прочность ящика, выпрямился во весь свой маленький рост, даже на цыпочки привстал и величественно простер правую руку перед собой, левой одновременно отирая пот со лба.

Аборигены пугливо съежились и со всей очевидностью изготавились бежать.

– Собратья, верные соратники по интеллекту! – набрав в легкие как можно больше воздуха, грянул капитан. – Братишечки, братва... – упавшим голосом повторил он и закашлялся. Но тотчас рука его завибрировала с непостижимой быстротой, а волосы на парике от страсти, охватившей капитана, встали дыбом: – Наконец-то! Все-таки – свершилось! Великий миг настал! Привет вам от нас! Привет вам от всех! Соединяйтесь, радуйтесь, живите! Мы рады видеть вас! А вы? – Он перевел немного дух и снова взвыл: – Мы прилетели к вам с Лигера-Столбового, вон откуда! – Он авторитетно ткнул пальцем в небо. – Разум ищем! Братский! Мы не привередливы – нам хоть какой... И вот вы – здесь! И вот мы – тут! Ура нам всем! Чем занимаетесь? Счастливы ли вы? Какие ваши идеалы? Каковы успехи? Мы должны знать всё. Доверие, доверие и еще раз доверие. Разбойничать не будем. Ну, так что же?

Он умолк, довольный своей речью, и выжидательно посмотрел на аборигенов.

– Во, силен старик! – с восхищением пробормотал Ривалдуй. – Эх его прорвало!.. Король переговоров! Цицерон вселенский! А еще сопротивлялся...

Один из туземцев, чуть посоветовавшись с коллегами, выступил вперед и внятно произнес:

– Учевто адгот. Укчур итолозоп!

Космонавты замерли, ожидая, что тот скажет дальше, но туземец умолк, томно склонил голову набок и, шаркнув ножкой, отступил к своим товарищам.

Тогда капитан распорядился:

– Ривалдуй! Заводи лингвоперчик! Живо! Маэстров надобно понять!

– Давай-давай, – счастливо засмеялся Пупель Еня.

Ривалдуй опрометью кинулся к стоявшему поблизости особо красочному ящику, на стенках которого по синему фону огненными буквами было намалевано: «*Лингвистическая Первочитающая Каламбурация. Не подпущать!*», выгреб из него некое никелированное диво с медной пастью чеканного динамика, крутанул подряд все ручки, надавил подряд все кнопки и, поплевав три раза через левое плечо, шепнул:

– А ну, соколик, начинай, не подведи, родимый! Только не рвани...

Динамик затрепетал и встал торчком.

– Ух-м-м, гны-м-м, га-м-м... Позолоти ручку – тогда отвечу! – ухнул лингвоперчик так, что от неожиданности аборигены разом попадали друг на друга.

– О!.. Какую такую ручку? – изумился Пупель Еня.

– Укчур юukat юукак? О! – вновь заголосил осатанело лингвоперчик.

– Звук поубавь, – приказал капитан. – Не видишь – собратья страшатся! У них, похоже, всё задом наперед. Когда-то, я читал, и на Земле была одна страшилка: «Тидебоп мзинум-мок». В чем смысл, неведомо, но, говорят, мороз по коже продирал. Вот и я в толк не возьму: какую еще ручку?!

– Вот эту! – Один из аборигенов потряс в воздухе холеной пятерней.

– Все ясно, кэп! – догадался Ривалдуй. Он подскочил к туземцам: – Стало быть, ручку вам позолоти?

Те только кротко улыгнулись: мол, приятно слышать умные слова.

– Ага... – Ривалдуй задумчиво взглянул на местных. – Сразу, значит, компенсация... Позолоти ручку... Эвон как! Иначе – заплати, побалуй денежками, доставь вам, родимым, радость – дай на хлеб насущный? Так?

– Ну, ну?! – мигом развернулся к аборигенам капитан. – Вы, видно, предлагаете нам условия: желая познать этот мир, мы вас спрашиваем, а вы отвечаете – и мы немедленно вас благодарим? Я верно понял?

Лингвоперчик сосредоточенно и очень споро что-то лопотал на туземном языке.

– А переводит точно? – усомнился Пупель Еня. – Слово в слово? От себя не добавляет?

– Этого никто не знает, – шепотом ответил Ривалдуй. – Машина девственна, в работе не была.

– Рисуем, – Пупель Еня тяжело вздохнул.

Аборигены прислушались и тотчас закивали.

– Ишь ты! – с удивлением заметил Ривалдуй. – Согласны. Только – с чем? Как будто понимают...

Меж тем Матрай Докука потихоньку заводился.

– Интересные условия, крутые. М-да уж... Но учтите, – не моргнув, соврал он, – денег у нас нет.

– А нам денег и не надо – натурой давайте, – категорически заявили аборигены.

– Натурой? – восторженно воскликнул капитан. – *Уже* какое-то движение вперед. Прекрасно! Что же вы хотите?

– А что дашь.

– Х-м, интересно... Что им, в самом деле, дать? – обеспокоенно спросил капитан у своих спутников. – Не прогадать бы... Дашь мало – чего доброго, обидятся, а много – шут его знает, сколько... Мы, кажется, влипли, братцы.

– Капитан! – взмахнул рукою Ривалдуй. – Какие проблемы?! Это же элементарная торговля: за любой товар давай как можно меньше! При нужде добавить-то нетрудно... Я предлагаю для начала подарить им отвертку.

Он белозубо улыбнулся, выудил отвертку из нагрудного кармана и галантно, как цветочек, протянул аборигенам.

Те смирили ее презрительными взглядами, сопоставляя с размерами ракеты.

Однако ж – взяли.

Приписка на полях:

Существует предание, будто, в неоскудевающей дальновидности своей всё рассчитавши наперед, космонавты в этот эпохальный миг спросили: «Ну что, вам целую ракету сразу подарить или только гаечный ключ, которым можно ракету по винтику разобрать?» И будто бы тогда аборигены сдрейфили, взяв малость. Это ерунда. Люди, замечательные в разных устремлениях, и в деле не скупятся. Иначе может думать только нытик Бумдич-пуппер.

– А теперь ответьте на мои вопросы, которые я задавал вначале! – потребовал Матрай Докука.

– В самом деле, – урезонил Пупель Еня.

Один из туземцев, беспрестанно низко кланяясь и приседая, тотчас сообщил:

– Мы – тутошние поселяне или, если хотите, хозяева этой планеты. Первое, впрочем, не всегда совпадает со вторым. Но это и не важно. Мы занимаемся тем, что познаем природу, подлаживая ее к своим потребностям, и сами, в свою очередь, подлаживаемся под нее, когда ее подладить невозможно.

– А ракета у вас хорошая, – ласково и в один голос добавили его соотечественники.

И все трое мечтательно вздохнули.

– Н-дэ? – с подозрением уставился на них Ривалдуй.

Пункт седьмой

– Ку-ку, ку-ку, – послышалось из распахнутого настежь люка корабля.

– Два пополудни, между прочим! – с удовлетворением отметил Пупель Еня. – Полтора часа контактируем. Не хухры-мухры!.. Почти рекорд.

– И не почти, а точно, – уязвленно отозвался капитан. – Сам подумай! Кому *меньше* удавалось?

– Это потому, наверное, что мы – единственные, первые. И разных злобных конкурентов у нас нет. Пока...

– Да что ты всё заладил: почти, пока!.. Те, кто придут потом, не в счет. История начнется с нас!

– Ты полагаешь? – усомнился Пупель Еня. – Сразу эдак – прямо с нас? Я как-то слабо представляю...

– Кэп, а часы не отстают? – осведомился Ривалдуй. – Мне показалось...

– Быть того не может! – возразил Матрай Докука. – Эти ходики не отстают ни на секунду. Зря их, что ли, выверяли по клепсидре, что на башне нашей ратуши?! Забыл? Точнейший инструмент!..

– Забыл, – сказал со вздохом Ривалдуй. – Но почему она так называется – «клевсидра»? Или он? Или они? Я уж давно на эту тему думал...

– А тут просто надо *знать*, мил человек, – язвительно заметил капитан. – Это значит: «изделие Сидора». А по научному – «клёп». Похоже, что-то он там здорово клепал всё время. Потому и названо: «Клёп Сидора». Чтоб, стало быть, не путали с другими клёпами – каких-нибудь Гвидонов или Сулейманов. Старые земные штучки, доракетная эпоха! Ну, а в разговорах незаметно прижилось: клевсидра и клевсидра... Вероятно, у этого Сидора в итоге получалось лучше, чем у прочих... Всё-то надо объяснять вам, вот народ! Нет, чтобы в книжку заглянуть...

– Я понял, кэп. Уговорил. Вернемся – загляну. Пускай я тоже... всем хорошим буду обязан книгам... Но все равно, по-моему, у нас кукушечка кукует медленней, не то что раньше.

– Перестройка на местное время, – глубокомысленно изрек Матрай Докука. – Тоже не исключено... Я ж говорю: на редкость тонкий инструмент. Потом закукует быстрее... Нам пока не к спеху – только начинаем...

Солнце сдвинулось на небосводе, и тени по-новому расположились на земле.

Спейсотусовщики теперь нежились в тенечке, под лесенкой, а туземцы, загорая, возлежали на громадном кованом ящике и беспечно болтали ногами.

Вид у местных был разморенный и самый миролюбивый.

– Эх, и здоровы жариться! – невольно позавидовал Ривалдуй. – Вот она, вселенская адаптация!

– А мы еще боялись, не хотели... – укоризненно сказал капитан. – Контакт неизбежен, если его ждешь. Нужно только как следует подождать... И взгляните на этих ребят – до чего милые, простые парни!

– Братья! – пакостно хихикнул Пупель Еня. – Душки! Ну и рожи!..

– Кстати, как насчет вашей цивилизации, друзья? – воодушевленно продолжил Матрай Докука.

– А позолоти-ка ручку, – с ленцой отозвались простые и милые.

– Как, вам все еще мало? – изумился капитан. – Ну, я вам доложу!..

– Позолоти-позолоти. Тогда – ответим, – терпеливо заверили друзья.

– Э-то уже любопытно, – пробормотал Матрай Докука. – Я-то думал, вам на первый раз, авансом, так сказать... А тут, выходит, – новая, меновая разновидность познания мира: надо за любой ответ платить... Ну ладно, выдайте им что-нибудь.

Пупель Еня покопался в ближнем ящике и достал разводной гаечный ключ.

Абориген, не слезая на землю, барски протянул руку и держал ее до тех пор, покуда Пупель Еня не выложил ему на ладонь свое подношение.

– Для кого как, – сказал туземец, внимательно разглядывая ключ. – Всякому плоду свой черед, на всё – свой аршин. Цивилизация – что надо!

– Ну, а по космическим просторам вы передвигаетесь? Летаете, небось, туда-сюда? – не унимался капитан. – У вас ракеты есть?

– Летать-то, конечно, летаем, любим это дело, очень даже любим, но не возвращаемся. Нет смысла. А ракеты, бывает, и подворачиваются. Иногда чаще, иногда – совсем редко. Это уж по сезону.

– Ах, так... – глубокомысленно кивнул Матрай Докука, делая знак, чтоб туземцам выдали по пачке сигарет. – По сезону, значит... Эт-то тоже любопытно. И своеобразно.

– Бывают сезоны круглогодичные, – разглагольствовали тем временем аборигены, – а бывают и так... Тут раз на раз не приходится. Порой за месяц, как за десять лет, привалит – хоть ты разорвись! А иногда... Особенно межсезонья нервы треплют. Утомляют. Слухов разных плодится – жуть!

– Офалдеть! Ну, совсем как у нас!.. Со слухами поосторожней надо, это верно, много пакостей от них, – поддакнул Ривалдуй, спроваживая аборигенам выдавшее виды большое медное корыто со стиральной доской.

– Смотри-ка ты! – воскликнул капитан. – До чего ж у них всё как-то по чудному!.. Очень странные замашки. И не надо... этих... путать с нами, Ривалдуй. Они не заслужили. Да и мы, конечно, тоже... Диалектика, фалдуй ее возьми! – Он чуть задумался, теребя ухо, потом завожился в бакенбардах, подправил парик и, наконец, вкрадчиво поинтересовался, словно ненароком: – Строй-то какой тут у вас, а?

– О, строй!.. Отменный! Прямо – песня, да!.. – многозначительно воздел палец абориген и покосился на товарищей. – Когда-то думали, бывает лучше, но теперь привыкли, и все встало на свои места. Места, правда, не столь отдаленные от прежнего положения, но в целом строй – отменный!

Аборигены благосклонно приняли здоровенную самогуляющую кинокамеру с двуногим штативом и полуувеличительным стеклом.

– Стереоскопически-самозасвечивающая – всё подряд, – с немаленьким почтением пояснил Ривалдуй. – Цены ей нет. А уж орехи как дробит... Штука!

– Вот именно! – восторженно добавил Пупель Еня. – Так сказать, кусочек сердца вам впендюрил!..

– М-да... Ты бы, Пупель, все-таки помягче выражался. Мало ли что... А живут-то у вас люди долго? – вдруг любопытствовал Матрай Докука.

– Как сказать!.. С одной стороны, конечно, долго, если исходить из минимума, а с другой – максимум не позволяет уходить далеко от минимального разумного предела, который, правду говоря, порой ни к черту не годится... Так что, как тут ни верти, – всё одно. Живем помаленьку! Пока еще не вымираем.

– Это хорошо, – одобрительно кивнул капитан. – Жить нужно умеючи, ваша правда. А как насчет войн? – плотски поинтересовался он.

Один из аборигенов уселся на ящике по-турецки, руки скрестил на груди и с расстановкой, строго произнес:

– Всякое случается. Всякое... Раз на раз не приходится. Хотя – что называть войной... – Тут он откинулся назад, упершись руками в ящик, несколько секунд сосредоточенно молчал, выдерживая красивую ораторскую паузу и раздувая от важности щеки, и принялся затем вещать: – Бывает война внутренняя, то есть с самим собой, бывает война умов, то есть поиски истины в драке, а бывает война языков, то есть какое-нибудь заседание или утверждение нового закона... Впрочем, законы лет сто уже не менялись – никому не охота попусту волюнку разводить. Но в целом мы – мирные люди, это всякому заметно. Если только с правильной позиции взглянуть... Позолоти-ка ручку.

– Ага, сейчас, – заинтригованный, пробормотал капитан. – Мы дадим, непременно. Так вы сказали... Правильная позиция? Это как же?

– А очень просто! Внимательно следите... Нужно встать посередине, и то, что слева окажется, всё неверно, а справа зато – правильно. При этом можно на сто восемьдесят градусов повернуться – и будет всё наоборот. А можно сделать так, чтобы правильное было сзади, а неправильное – спереди. Вариантов много, и у всякого свой плюс. Главное, найти ось вращения. У нас каждый вертится, как умеет.

Приписка на полях:

На Пемфигусе-Забойном о подобных штучках теперь так говорят: «Мормолонные плюфарки кашперяют бульфантуры». Что примерно означает: задница, густо обмазанная салом. И это – еще мягко сказано... Вот к чему приводят разные Контакты! Рассуждением поделился Бумдитцпуппер. (См. комментарий.)

Матрай Докука долго чесал затылок, дергал бакенбарды, задумчиво тренькал на губе, пытаясь свести концы с концами, но не получилось, и тогда он с готовностью ухватился за последнюю фразу.

– Вращение?! – ликующе вскричал он. – Динамо, ротор?! Ох, фалдец!.. Ну, а устройство какого-нибудь механизма можете изобразить?

– Позолоти ручку, – напомнили аборигены и жуликовато заморгали.

– С ума сойти! Глядите-ка, обмен технической информацией начался! Ну, прямо – как и завещали древние умы! – звонко причмокнул Пупель Еня и от радости даже захлопал в ладоши. – Обман, так сказать, мнениями. Счастье – всем и навсегда. Приехали. Давно бы так!

Ривалдуй с великой осторожностью преподнес аборигенам нечто, аккуратно завернутое в лоскутное одеяло.

– Законсервированный кайф, – проворковал он с пылкой нежностью. – Наш монолитный харч. Только для вас!.. Уж вы не упустите...

– Ах, я жду свирепой наготы!.. – вдруг молвил Пупель Еня. – В бездну окунуться...

– Помолчи, балбес, – резко одернул его капитан. – Это тебе не кино на Лигере. Нам сейчас машину изобразят... Так действуйте, приятели!

Аборигены не спеша, один за другим, слезли с ящика, обогнули его, так что в итоге остались торчать лишь их головы, и, виновато-преданно глядя на спейсотусовщиков, застыли ненадолго.

В наступившей тишине отчетливо зажурчало...

– Как у людей!.. – шепнул тихонько Ривалдуй. – Во всём! Ах, братья!..

Между тем аборигены вышли, наконец, из-за прикрытия, один из них подобрал с земли валявшуюся щепочку и быстро начертил перед собой довольно ровный круг.

Все трое тотчас победно подбоченились: мол, не хухры-мухры вам показали!..

– Это что такое? – близоруко сощурился Пупель Еня и пал на четвереньки, чтобы лучше разглядеть.

– Шар.

– Ну и что? Что он делает?

– Катится, – пояснил абориген.

– Нет слов! – поразился Пупель Еня. – Надо же – катится! А мы и не догадались...

Аборигены стояли довольные и застенчиво улыбались.

Приписка на полях:

В этом месте в стародавних хрониках изрядно много расхождений. Одни документы уверяют, будто так капитаном и было задумано, другие же, напротив, честят всю троицу почем зря, обвиняя ее в скудоумии и ротозействе. А было совсем не так. Я факты не трактую, я их просто уважаю. Никто никаких предварительных планов не составлял, но и никто в решающий момент ушами не хлопал. Это совершенно очевидно. Просто была неистовая увлеченность общим делом. Так, говорят, когда-то действовали некие большевики. (См. комментарий.) И тут уж было не до размышлений. За раздумья били. Потому теперь так ценится дерьмо. Рассужденьем поделился Бумдигцунппер.

Пункт восьмой

Вечером все трое молча поднялись к себе в ракету. Они были усталы, злы и голодны.

А после ужина пришла угрюмая, сытая подавленность...

Тогда Матрай Докука достал толстенный, в твердом переплете, путевой журнал, извлек из внутреннего потаенного кармана вечное перо и на чистом листе размашисто написал: **«Развёрстка действий. Без побочных вариаций»**. Потом чуть-чуть помедлил и уже не так уверенно прибавил: **«Параграф А – изначальный и нерукотворный»**. Нарисовав зачем-то крендель и заключив его, как в скобки, в восклицательные знаки, он продолжил:

«Но в целом:

1. В результате удачной посадки на планету звезды из системы UX333Ъ-0, а также в результате обследования в дневной период ряда районов вышеуказанной планеты посредством ряда предназначенных для исследования как гористой, так и равнинной местности специальных само-самных приборов и аппаратов была обнаружена с высокой степенью достоверности до некоторой степени высокая цивилизация, каковая проявилась в шести часах полета от берега моря по прямой линии в виде трех экземпляров местной цивилизованной расы, каковые явились к звездолету с целью установления Контакта с сопровождением лингвистического самообратного переводчика, что ими и было поставлено нам на вид и что нами и было им разрешено в той степени разумного позволения, каковой приемлем для обеих высокодоговаривающихся сторон.

2. В результате тесного однодневного общения с вышеуказанными представителями местной цивилизации, а также в результате устранения некоторых несущественных препятствий на пути к полному и добрососедскому взаимопониманию представителям вышеуказанной местной цивилизации с нашей стороны были поштучно презентованы следующие сувенирные предметы из походного снаряжения звездолета».

Далее следовал подробнейший, длиннющий – на двадцать семь страниц убористым почерком – перечень штучных утрат экипажа.

Параграф А завершился словами: *«Многоступенчатые вдумчивые переговоры дали массу ценных сведений как одной, так и другой высокодоговаривающейся стороне и протекали в дружественной и сердечной обстановке с глазу на глаз без третьих приглашенных лиц. Замѣтано»*. (Крендель и число.)

И другим уже, коряво-нервным почерком: *«Вечером им больше ничего не дали, они обиделись и завалились спать. Хоть бы не проснулись...»*

– Вот и всё, – довольно пропыхтел Матрай Докука, с треском захлопывая журнал. – Грандиозное начало грандиозного конца. Бесценный документ для потомков! Плакать будут – а не смогут оторваться!

– Прикипят душой, – поддакнул Ривалдуй, старательно подкручивая тучные пшеничные усы. – Ты, кэп, у нас светлая голова. Махина слога!

– Ты так думаешь? – востроенул капитан. – Вот... и я за собой с некоторых пор замечаю...

– М-да? А туземцам нынче сколько барахла поотдавали?! – ядовито спросил Пупель Еня.

– Ну, Пупель, это всё издержки. Даже вспоминать не стоит. Нынче при любом Контакте... Впрочем, этот – первый, и теории наглядной нет... Но все равно мы – сапиенсы. А сапиенс – не таракан. Попробуй, подлови! Ты не волнуйся, Пупель, это лишь цветочки. Мы свое возьмем – дай срок! Пока я предлагаю отдыхать. Мозгам нужна разрядка.

– Кстати, кэп, – не унимался Пупель Еня, – ты заметил: все вопросы задавали только мы, они не спрашивали вовсе? Ни о чем. Как будто мы для них – ничто...

– Возможно, так их воспитали, – пожал плечами капитан. – Нельзя без позволения лезть в чужую душу. Некрасиво... Но и нам навязываться... как-то не с руки. Сам посуди.

Между тем Ривалдуй, ни слова не говоря, полез на табурет и достал с комода древнюю, облупленную гитару. Потом уселся с ногами на пульт и, прицелившись, дернул за струны.

Звук вышел чудовищный.

– Я тут, стало быть... чуть-чуть, совсем не помешаю, – очень вежливо предупредил Ривалдуй. – Вы – беседуйте себе культурно...

Он изобразил трагическое вдохновение на лице, поджал ноги, выдержал краткую паузу и, закатив глаза, принялся охаживать несчастный инструмент.

– Разлук-ка ты-ы-и разлук-ка-а! Родна-ай-я сто-о-рона-а! – дурным голосом заорал он, балдея от натуги, и скорбно затряс головой.

– Ты чего? – охнул Пупель Еня. – Спятил?

– Так... – уклончиво ответил Ривалдуй. – Песня... К прекрасному потянуло...

– Ты, брат, не шали, – погрозил ему Матрай Докука, – ты давай – не намекай. У меня на Лигере знаешь, сколько долгов осталось?

– Знаю, кэп, – покивал Ривалдуй и, вздохнув, начал тренькать что-то повеселее. – Вам-то что? Вы все тут здоровые. А я болен душою давно...

– Нет, так не пойдет. Ты другую спой, – потребовал Пупель Еня. – Речитативом, для подкорковых усад. Про слезы, звезды и потеху. Знаешь?

– Черта лысого! – ответил Ривалдуй. – Я больше ничего не знаю. Разве что вот... нежные садистские куплеты ревизора из канканной оперы «Лолить». Мне их нянька перед сном напевала. Душевно так!..

– Изверг! – взвился капитан. – Шпана ракетная! Все струны оборву!

Ривалдуй обиженно пожал плечами, спрыгнул на пол и гитару затолкал под пульт.

Потом повернулся к своим спутникам и, разведя руки, сказал трагически и просто:

– Травят!..

– Сопляк! – буркнул капитан. – И понимал бы что!.. А корчит умного... Мне эти ревизоры – уже вот где! Нянька ему в детстве пела... Х-м!

Он достал из кармана фигурное зеркальце, придирчиво посмотрелся в него и принялся кончиками пальцев взбивать свои огненно-седые бакенбарды. А парик марафетил и вовсе хорошо: плюнет на ладошку и, где надобно, – чуть-чуть придавит. Так местах в пяти – семи...

– А я еще и разные журналы прихватил, – сообщил, гордясь собою, Пупель Еня. – Кроме газет. Очень интересные. Хотите, почитаю?

Он выволок из стенного шкафчика ворох пожелтевшей от времени прессы, хлопнул ею об стол, подняв густые клубы пыли, выдернул первый попавшийся журнал, поправил на носу очки и громко зашуршал страницами.

– Сейчас отыщем юморочек... Где-то был... Вот! Тут и картинки есть.

– Скабрёзные? – встрепенулся Ривалдуй.

– Мал еще – на скабрёзные-то смотреть, – презрительно сказал Матрай Докука. – Бренчишь себе на гитаре и бренчи. Ну-ка, что там есть еще?

– Рекламы. Лозунги... Программы телепередач... Детские песни о главном... Животный юмор. Кросс-некрологи... А это, думаю, и Ривалдуюшке будет интересно!..

– Давай, – распорядился капитан. – Прочти юнцу. Пусть приобщается к высокому!..

– Нет, – зардевшись, отказался Пупель Еня. – Я лучше уж... своими словами. Будет поприличнее... Тут, значит, в объявлении одна толковая особа мечтает сходить замуж. Э-э... как бы блондинка – всюду... э-э... пропорции соблюдены... м-да... разбирается во всем, ишь ты! А взгляд какой! Божественная остекленелость зора... Хороша!

– Где? – не понял Ривалдуй.

– Везде, – с вызовом ответил Пупель Еня. – На-ка, полюбуйся, если хочешь.

Он сунул Ривалдую журнал, а сам деликатно уставился в иллюминатор.

– Нос курносый, – разочарованно сказал Ривалдуй. – Какой-то этот... поселянский шарм. Я не люблю.

– Да тут и разные другие должны быть, ты что!.. – выхватил у него журнал Матрай Докука. – Я еще в детстве увлекался... Будто я не помню! Где же это было? Где-то тут вот... Точно! Погляди – на два столбца... И все – замуж. Вот пасьянс! Давай, Ривалдуй, выберем мы тебе сейчас невесту. Пора от онанизма отвыкать.

– Ну, невесту... А потом что?

– Потом?.. – Капитан заерзал в кресле и с надеждой посмотрел на Пупель Еню.

Тот сидел – губки бантиком – и, якобы безучастно, следил, как раскачивается маятник у ходиков с кукушкой.

– Потом, надо думать... детишки пойдут, – сообщил неуверенно Матрай Докука.

– У меня этих детишек – знаешь, сколько?! – уныло сказал Ривалдуй. – И без всяких объявлений...

– Откуда? – строго спросил капитан.

Ривалдуй глуповато хихикнул.

– Стихия, ураган!.. – доверительно поведал он. – Ты не волнуйся, кэп, всё чисто – по договоренности. Здоровые детишки будут. Нам на смену.

– Имя им – легион! – возликовал внезапно Пупель Еня.

– Меньше, Пупель, – потупился Ривалдуй. – Ну, что ты! Много меньше.

– Мелкота, мальчишка! – безжалостно сказал Матрай Докука. – Эх, вот помню – была у меня заветная подруга... Опраксимандрой звали. Опря... Душка! Раскидистая была женщина. Как ивушка плакучая... Не стало...

– Это почему же? Неужели померла?

– Ну да, дождешься! Нет, прогнал. Корней не ощущал. Болото! Всё телеса да телеса... Эх, Опря... Мамонт! Точно – женим мы тебя, Ривалдуй. Непременно женим. Погляди-ка, девочки какие! Праздник!..

– Так газетам этим и журналам сколько лет, кэп?! – взбеленился Ривалдуй. – Из этих девочек теперь, поди, уже песка насыпалось...

– Подумаешь, беда! Песок и золотой бывает... А зато такая изменять не станет. Ломовой верняк, – обрадовался Пупель Еня. – Верно, кэп?

– Н-ну... В общем-то... в старушках тоже есть пикантенькая свежесть, – покивал Матрай Докука. – Так что, Ривалдуй, смотри... Упустишь ненароком, а потом уже определенно будет поздно... Никогда не наверстаешь. Ты подумай. Я не тороплю.

– Ты понял? – Пупель Еня с важностью протер очки.

Меж тем капитан вылез из кресла, неспеша прошелся по каюте, заглянул хозяйски в темный иллюминатор, сделал пару дыхательных упражнений, потом распахнул дверцы комода и начал шуровать внутри.

– Ты чего? – окликнул его Ривалдуй.

– Да вот... в шахматишки бы сейчас... – высунулся из шкафа капитан. – Партейкой-другой перекинуться... Вдруг, знаешь, потянуло... Помнится, я как-то сеанс одновременной игры давал. На ста досках. Сотню партий подчистую проиграл, но из одной такую ничью вытянул!.. Загляденье!

– Ишь ты как... Откуда ж эта одна взялась, коли все сто проиграл? – резонно заметил Пупель Еня.

– Вот, я и сам удивляюсь...

Тут снаружи раздалось переливчатое стрекотание, а вслед за этим гнусаво зауhalo, будто старый филин примостился на печной трубе.

– Самокрутка прилетела! – встрепнулся Ривалдуй. – Я даже позабыл о ней... Кончай возиться, кэп, иди аппаратуру принимать. Твоя забота. А я подготовлю экран – видеозаписи смотреть. И, пока я разворачиваю, погляди-ка, Пупелёк, вон там, возле шкафа – цел ли гвоздик, чтоб экран повесить. Может, заржавел или погнулся...

– Эх, давненько ж не было кино! – с довольным видом потер руки Пупель Еня. – Ведь известно: самое могучее из всех искусств! Покажут, а ты пялишься. И легкость в голове... В натуре – офалдеть!

– Конечно. Манускрипт эпохи! – важно согласился Ривалдуй.

Матрай Докука, с головы до ног облепленный лежалым пухом, вылез из комода.

– Пропали шахматишки, – негодуя, сообщил он. – Нету! Везде обыскал. Думаете, я не понимаю? Совсем глупый стал? Ну, это вам так не пройдет! Спереть утеху для души... Наиглавнейшую! Ведь это ж надо!..

– Да никто, кэп, и не крал, – обиделся Пупель Еня. – Аборигенам днем отдали.

– А кто позволил?

– Ладно-ладно, кэп, ты ступай, делом занимайся, – Ривалдуй подтолкнул капитана к двери. – Надоело уже, как ты нам проигрываешь.

– На деньги вы со мной не играли! – бедово сказал Матрай Докука и вышел из каюты.

Приписка на полях:

Спасители Нации, талантливые дети КУКИЗЫ!.. Они все были авантюристами – по призванию и в силу разных обстоятельств. Не мошенниками, не ворами, а честными и непредвзятыми авантюристами. Первооткрывателями. И таких уж – боле нет... (См. комментарий.)

Пункт девятый

Запылал любовно отутюженный Ривалдуем стереоэкран, и тогда видно стало, как взлетела самокрутка.

Внизу медленно проплывал один и тот же пейзаж – желто-зеленые лужайки, бесконечные поля с белыми цветами, редкие перелески, холмики, овраги, излучины реки...

Потом наметились отроги гор...

Перевалив через скалистый и почти безжизненный хребет, самокрутка встряхнулась и пошла на снижение.

И тут все трое увидели город.

Мосты, высотные дома, проспекты, многослойные развязки, погруженные в сиреневое марево... Чадили трубы заводов, мигали разноцветные огни, по улицам неслись диковинные экипажи, там и сям игриво золотились купола народных стадионов...

Словом, сказка!

– Вот он, вот он, перед нами! Черт возьми, вы только посмотрите!.. – гаркнул Пупель Еня, от возбуждения вскочив со стула. – Город! Городище!

– Сядь, – приказал капитан. – Совесть надобно иметь. Не загораживай экран.

– Но ведь – город!.. – повторил, весь сияя, Пупель Еня, однако сел.

– Небось, столица. Центр тутошнего мира, – ввернул Ривалдуй. – Эх, повезло!..

– Ну, это еще не известно, – строптиво возразил Матрай Докука. – Но, если по большому счету...

– Уж естественно! А мы тут, как последние болваны, с аборигенами прохлаждаемся, – пал духом Пупель Еня. – Великую цивилизацию под носом не замечаем.

– Точно! – загорелся Ривалдуй. – Это то, что надо. Никаких сомнений. Я надеюсь, кэп, мы выудим из этого города все, что сумеем?

Некоторое время капитан размышлял.

– А что? – сказал он наконец. – Такой подарочек судьба преподнесла! Выходит, заслужили. М-да... И впрямь, ей-богу... Плюнуть на этих аборигенов – да и махнуть в город. Вот прямо сейчас и стартовать!

– Кэп, благодетель! – восторженно начал Ривалдуй. – Дай-ка я тебя поцелую!

Он кинулся к Матрай Докуке и сально его облобызал.

– Пуся, а не кэп! – промурлыкал он игриво и, точно кнопку на дверном звонке, ловко придавил большим пальцем капитанский нос.

Видно, он слегка перестарался, потому что из глаз Матрай Докуки моментально брызнули слезы.

– Изверг! – взвился капитан. – Кретин! Уж сколько раз просил тебя: не трогай! Я не выношу...

– Ведь не прибил же... – насупился Ривалдуй.

– Давай, кэп, заводи машину, – призвал Пупель Еня. – Обижаться будем после.

Матрай Докука утер слезы рукавом, шумно высморкался в кумачовый с черными оборками платок, после чего деловито проверил, плотно ли задернуты все шторы на иллюминаторах и не капает ли зря из рукомоЙника вода, затем пододвинул к пульта продавленное кресло и уселся в него.

– Стартовая тревога, – объявил он бесцветным начальским голосом. – Предстартовый атас с ускоренным отсчетом взад. Номер три, номер два... Ну, что же вы?! – он выжидательно обернулся, прервав счет.

Остальные члены экипажа, радостно загомонив, мигом попадали в такие же, выдавшие виды кресла со взлетными пукалками позади.

– Номер раз! – голос капитана взвился к потолку. – Номер ноль!

– Ну, еще чуть-чуть, еще немного... – прошептал, зажмуриваясь, Пупель Еня. – Вот, сейчас...

Тогда капитан крутанул главный стартовый штурвал, пару раз качнул ручной насос, уперся ногами в две рифленые педали под пультом и неистово заработал ими.

Стены ракеты задрожали. Где-то натужно заклохотало и затарахтело.

– Поехали! – заорал Ривалдуй. – Жми-жми, кэп! С ветерком давай!

Матрай Докука, красный, точно перезрелый помидор, весь взъерошенный и взмокший, громко сопя, жал на педали из последних сил.

– Коленчатый вал не смазан! Черти стоеросовые, позабыли!.. Крышка! – прохрипел он, намертво вцепившись обеими руками в подлокотники. – Нет тяги! Идиоты! Я же говорил... Сто раз просил... Фалдец всему!

В следующую секунду с оглушительным свистом ручка главного насоса выдвинулась до упора, ноги капитана бессильно сорвались с педалей, какой-то никелированный штырь снизу ударил в кресло, опрокинув его, и доблестный Матрай Докука, альбатросом дав круг по каюте, распластался на полу.

– Ой! Падаем, падаем! – не своим голосом завопил Пупель Еня. – Не взлетели...

Рядом зазвенело, заскрежетало, и свет погас.

– Ку-ку, – пробили в темноте часы.

Пункт десятый

В рубке управления горела только одна, чудом уцелевшая, аварийная лампочка.

В ее дрожащем тусклом свете разруха вокруг смотрелась устрашающе.

Капитан заохал и сел.

Он был совершенно лысый.

Изо рта его торчал жалкий обломок мундштука от разбитой курительной трубки – в минуты страшных напряжений Матрай Докука всегда зажимал в зубах эту заветную трубку, чтобы самому себе казаться и значительнее, и сильнее.

Капитан машинально, со страстью, пососал обломок и, догадавшись, в чем тут дело, гадливо выплюнул.

– Ай! – вскрикнул кто-то наверху. – За что?

Матрай Докука поднял глаза и увидел Ривалдую.

Тот не то висел, не то орлом парил под потолком, намертво заткнув собственным задом вдребезги разбитый иллюминатор, и совершал руками отчаянные пассы, силясь высвободиться из капкана.

– Кэп! – неожиданно высоким голосом позвал он. – Меня тут прищемило... Больше не могу...

– Ну, чего, чего? – сердито огрызнулся капитан. – Чего тебе неймется?

– Жмет, – простонал Ривалдуй. – Везде. И поддувает... Ты попробуй-ка вот так...

– Ах! – взмахнул рукой капитан. – Потерпеть не можешь! Поддувает... Неженка! Зато в сортир ходить не надо. Поднатужился – и все дела... А у меня действительно беда. Я парик потерял!

– Да ладно, кэп, – взвыл Ривалдуй, – кому ты нужен в своем парике?! Лысый и лысый. Подумаешь, голова! Это же не зад, чтобы в штанах ее держать!

– Ну, знаешь!.. Уж такой пакости я от тебя совсем не ожидал! – едва не задохнулся от негодования Матрай Докука. – Ты еще сравни...

Он не договорил, вконец взбешенный, отшвырнул ногою кресло и, найдя под ним измятый и разорванный парик, с проклятьем водрузил свое сокровище на место.

Затем сумрачно огляделся по сторонам.

– Пупель где? – спросил он несколько секунд спустя. – Не видно с высоты?

– А вон – под пультом прячется.

Матрай Докука, не утруждая себя, чтобы нагнуться, сунул руку под пульт, пошарил немного и вытянул оттуда насмерть перепуганного Пупель Еню.

Тот на ногах не держался, норовил все юркнуть обратно и при этом тихо, беспрестанно подвывал.

– Стой смирно, Пупель, – властно приказал Матрай Докука. – Ты же молодец! Швейцар по штату. Менеджер стояния у двери. На ногах обязан быть всегда! Не то разжалую.

– Что, на какую-то планету сели? – спросил Пупель Еня отрешенно. – Так, кажись?

– Тебе вот только кажется, а по мне такие ветры гуляют! – отчаянно и безуспешно дергаясь в иллюминаторе, подал голос Ривалдуй.

– Да нет, братцы, все в порядке, – вздохнул Матрай Докука. – Откуда взлетели – туда и свалились. Можно сказать, что и сели...

– Ну? – изумился Пупель Еня. – Вот так приключение!.. А я уж тут подумал: новые миры... Нет, что-то мне не по себе. Пойду прилягу...

– Нечего! – дернул его за рукав капитан. – Нашел момент! И все-то норовит, и все-то норовит... Потом отлежишься! Проверь-ка для начала, какие приборы уцелели.

– Вытащите меня! – потребовал Ривалдуй.

– Ты, главное, не суетись, – заметил капитан. – Полезно суетиться на поминках, чтоб всё было в лучшем виде. А сейчас – чего? Учю тебя, учю, а толку... Голова цела, и хорошо. Успеешь.

– Импотентом я успею стать, – заблеял тонко Ривалдуй, кривясь. – Тебя бы эдак прищемило!.. Мне и голова ни к черту будет не нужна!

– Подумаешь, потеря! – хмыкнул капитан. – А у меня беда: порвался паричок, на нос съезжает. Надо зашивать... Не очень-то я в этом деле смыслю... Может, ты умеешь? Я найду иголку с ниткой, ты попробуй – руки-то свободные...

– Кэп, ну имей же совесть, я умру сейчас! – завохтал Ривалдуй.

– Вот этого – не надо, – строго произнес Матрай Докука. – Обожди. Я помню о тебе, я помню. Ты же молодчина. Наш гусар и, так сказать, бармен... Обязан быть всегда на рубеже – вот как сейчас, к примеру... А не то – разжалую. Да!

Ривалдуй собрался было что-то возразить, но лишь беспомощно махнул рукой и тихо зарыдал.

Меж тем Пупель Еня, обведя блудливым взглядом всю каюту, бочком, по кратчайшему пути, прошелся вдоль всевозможных шкафчиков, быстро открывая и закрывая их, покрутил ручки на пульте, понаблюдал, как в самых укромных уголках мигают аварийные и прочие сигнальные лампочки, и остался исключительно доволен.

– Все цело и почти на месте, – деловито сообщил он. – Разве что посуда из буфета малость...

– Склеим, – успокоил Ривалдуй. – А если вовсе на кусочки, будет дополнительный балласт – швырять на старте. Пригодится!

– Вот звездолет! – с пафосом начал капитан. – Вот, доложу вам, зверская машина! Топором, небось, тесали, душу вкладывали, без единого гвоздя... Ни в жизнь не расшибешь! Теперь так не умеют... Да уж... Утеряти дедовский секрет.

Тут вдруг глаза у Ривалдуя сделались квадратными, он жутко побелел – так что и при скудном освещенье это было видно – и, заикаясь, прошептал:

– Меня там кто-то шлепнул.

– Птичка села, – предположил Матрай Докука.

– Да какая, к черту, птичка?! Шлепнул! От души... Эй, вытащите меня отсюда! Они там теперь от моих штанов заклепки отковыривают!

Это и решило его горькую судьбу.

Матрай Докука и Пупель Еня, поплевав на ладони, схватили Ривалдую за руки, ногами сами уперлись в стену и дернули, что было сил.

– Оторвете! Спятели вы, что ли?! – взвыл дурным голосом Ривалдуй. – Подцепите чем-нибудь!

– А это мысль! – признал Матрай Докука.

Пупель Еня опрометью бросился к чуланчику и выволок оттуда здоровенный лом.

– Загадка: в одно ухо влетает, а в другое – вылетает. Что такое? – вдруг хихикнул капитан. – Отгадка: лом.

– Садисты! – ухнул Ривалдуй.

– Нет. Лучшие друзья и компаньоны, – возразил азартно Пупель Еня. – Ну-ка, не дыши! Совсем... А лучше – съежся! Как сумеешь. И замри! – скомандовал он и, поднажав, с трудом просунул лом меж кромкою иллюминатора и ривалдуевым боком. – Теперь – терпи... Еще немного... Р-раз!

Он рванул лом книзу, капитан схватил Ривалдую за голову, и с коротким воплем «хъяк!» Ривалдуй свалился на пол, тотчас потеряв сознание.

– Ты погляди-ка, кэп, – тяжело дыша, пробормотал Пупель Еня и ломиком указал на иллюминатор.

Снаружи, возле самой ракеты, околачивались трое аборигенов и злобно таращились на космонавтов.

Потом, перебивая друг друга и грозя кулаками, что-то начали орать.

Матрай Докука моментально подтолкнул к иллюминатору лингвоперчик, который – как вещь истинно бесценную – экипаж забрал с собой на ночь в ракету.

– Холера вы бесстыжая! Все люди спят! Когда-нибудь уgomонитесь? – залпом выдал автомат.

– Смотри-ка ж ты, серчают... – не без удовольствия отметил Пупель Еня.

– Не волнуйтесь, приятели, тут мелкая накладочка произошла, – ответил капитан вполне миролюбиво. – Всякое бывает... Вы ступайте, с богом. Мы – уже...

Аборигены, ворча, удалились в темноту.

– Хорошенькое дельце! – неожиданно насторожился Пупель Еня. – Выходит, они взялись дежурить у ракеты? День и ночь? Мне это не нравится, кэп.

Ривалдуй тем временем пришел в себя, посидел немного на полу, прислушиваясь к разговору, а потом вдруг вскочил и опрометью кинулся к иллюминатору:

– Эй, вы! Приятели, друзья, товарищи! Вопросы задавали? Ручку золотите!

– Поздно, поздно, брат наш дорогой! – заржали издали аборигены. – Сразу надо было соображать. И у тебя теперь вопрос. Считаю, что квиты. И не приставай.

– Вот *так* всегда, – трагически сказал Ривалдуй. – Прошляпили такой момент! А ведь – могли...

– Ну, ты даешь!.. – невольно фыркнул Пупель Еня. – Эк на тебя нашло!

– А что? – обозлился Ривалдуй. – *Им* только золотить?! А кто они такие?!. Ничего себе Контакт!

– Другого пока нет, – пожал плечами Пупель Еня. – И, похоже, не предвидится...

– Да ладно уж, – вмешался капитан. – И вправду – ночь... Все спать должны. Какие могут быть контакты?

– Ночью-то – самый контакт и бывает, – возразил Ривалдуй. – Ничего ты в жизни, кэп, не понимаешь!

– И все-таки они – молодцы, честное слово, – внезапно заявил Матрай Докука, беря в руки веник и поигрывая им, как теннисной ракеткой. – Прекрасные деловые люди.

– А? – сказал Пупель Еня. – Как ты их назвал?

– Они же форменные дети! Вы вспомните, какими глазами они смотрели на нашу ракету! Это же взгляд ребенка, который мечтает иметь все игрушки разом...

– Это взгляд циничного, профессионального вымогателя, вот что я вам скажу, – сердито буркнул Ривалдуй. – И вы меня не переубедите. Колдыри они, и точка. Или зомбари. А я таких не уважаю.

Приписка на полях:

Некоторые исследователи полагают, будто именно аборигены презирали космонавтов. Это все завистливые домыслы сквалыги Бумдигцпуппера, который тайно презирает оппонентов – старых и кабинетных дев. Космонавтов нельзя презирать. Бесполезно. Ты останешься, а они – полетят... (См. комментарий.)

– Что ж, в таком случае, пожалуй, можно подвести и некоторые итоги, – задумчиво проговорил Пупель Еня, ногой переворачивая кресло в нормальное его положение и с досадой разглядывая новые прорехи в старенькой обивке.

– Господи, какие еще могут быть итоги?! – горько отозвался Ривалдуй.

– Ну, что значит – какие итоги? Убедятся, что нам для них ничего не жаль, и тогда побратаются с нами, – предположил Пупель Еня.

– Не глумись! – нахмурясь, по-начальски строго произнес Матрай Докука. – Еще не известно, что сейчас эти трое думают о нас. Особенно – после аварии...

– Уж о нас им, проложим, плохо думать не придется. Не на тех напали. Пусть хоть будет сто аварий!

– Да? Ну-ну, – сказал капитан и принялся мести пол. – Мебель всю – давайте-ка на место.

Пункт одиннадцатый

Они сидели за столом в прибранной каюте, а перед Матрай Докукой лежали вечное перо и неказистый лист бумаги, исчириканный вдоль и поперек.

– Действительно, – с очевидной растерянностью бормотал капитан, – что-то многовато получается... И даже слишком. Совсем не ожидал... Неужели мы столько отдали им за один вчерашний день? В путевом журнале было вроде меньше... Впрочем, запечатлевали в попыхах, учитывали только главное, не мелочились, так сказать...

– Не мелочились, – эхом отозвался Пупель Еня. И с издевкою добавил: – Мудрый-то народ давно установил: курочка по зернышку клюет, а весь двор потом... сами понимаете, во что превращает.

– Я – твердый пас, – заявил Ривалдуй. – Ничего у меня больше не осталось. Спустил буквально все, вплоть до зубной щетки. А эти подонки еще корчили рожи, словно им подсовывали невесту что.

– И у меня, поверите ли, тоже ничего теперь нет... – подхватил, разводя руками, Пупель Еня. – Даже не смотрел, что отдаю... Есть, правда, очки, но я без них – ни шагу, как слепой котенок.

– М-да, мальчишки, и мне порадовать вас нечем. Вот эдак незаметно весь наш скarb-то и уплыл... Тю-тю!.. Но я им тоже больше ничего не дам, – пообещал Матрай Докука. – Пусть хоть лопнут, а не дам. Потому что из всего личного у меня остался только этот рваненький парик. Ну, и еще вставная золотая челюсть... Но она священна для меня. Далекая юность, незабвенные дела... Какие мордобои!.. Один зуб налево, другой зуб – направо. Я только начинал... О славе даже и не помышлял...

– А это было бы эффектно! – хохотнул Ривалдуй. – Нет, правда-правда. «Позолоти ручку» скажут туземцы, и кэп-то наш – шварк на протянутую ладонь свою вставную челюсть! И тотчас – паника в стане врага...

– Мальчишка! – искренне обиделся Матрай Докука и надолго погрузился в сладкие таинственные воспоминания. Потом встал и отрешенно зашагал по каюте.

Внезапно он круто повернулся и, уперши руки в бока, чертом поглядел на товарищей.

– Нет, я их не пощажу! – сказал он непреклонно. – Буду бить их оружием.

– Кого это, кэп? – поинтересовался Пупель Еня.

– Да уж ясное дело – кого! Бороться будем. Насмерть. Ривалдуюшка прав: хватит золотить! Такое завтра наплету им – уши завянут. Спасительный бред. Бред и еще раз бред. Железная тактика. Всегда вывозила, – он алчно улыбнулся. – **Тогда же** будут разные вопросы задавать. Нам только бы не проморгать, как давеча случилось... Оконфузились, но ведь зато – урок. На завтра. Тут уж – всё. Задавим и до нитки оберем. Покажем этим проходимцам, что такое человек! Ну, а покуда – спать. Уже светать вон начинается...

– На свежую-то голову чушь нести лучше всего, – с важным видом подтвердил Ривалдуй. – Тут ты прав. Только тогда чушь примет достоинства истины. Нет, как я завернул, а?! Не один ты, кэп, у нас мудрец!..

– Печурку бы не худо протопить, – вдруг жалобно заметил Пупель Еня.

– Нечего! – упрямым жестом оборвал его Матрай Докука. – Сегодня и так будет жаркий денек. А пока – перебьемся. К тому же, Пупель, если жарко, ты слишком орешь по ночам. Дай чуток отдохнуть.

– Родина снится, – вздохнул Пупель Еня. – Всегда рядом. Какой уж тут покой!..

Пункт двенадцатый

Из окошечка высунулась деревянная кукушка с отбитым клювом и сипло сказала:

– Восемь раз ку-ку ровно.

А механическая говорилка, заключенная внутри нее, проскрежетала:

– Кто в урочный час встает – первым пишет и... будит остальных! Ку-ку, товарищи, ку-ку!

Вслед за этим раздался ужасающий грохот – тяжелая никелированная гиля обрушилась на кастрюлю, на краю которой балансировала крышка.

Неустойчивая крышка тотчас опрокинулась в чугунный тазик метром ниже, а в тазике всякого металлического хлама лежало – видимо-невидимо.

От такого шума Матрай Докука тотчас подскочил на своем тюфячке и принялся ошалело протирать глаза.

– Ку-ку, ку-ку, зараза, – зло передразнил он.

Гамак, подвязанный к тяжелой потолочной балке, нервно задергался, а затем над его краем показалась голова Ривалдуй – взлохмаченная, вся в пыли и паутине.

– Что, никак, прокуковало? – придушенным со сна голосом осведомился Ривалдуй.

– У-м-гу... – все еще пребывая между сном и пробуждением, кивнул капитан. – Но, сдается мне, Ривалдуюшка, ты прав: часы опять бегут.

– А петушок кричал?

– Вот петушка я не расслышал, извини, – смиренно произнес Матрай Докука. – Спал. Тут за стеною, из чулана, с надрывом и залиvisto заголосил петух.

Хоть и сверяли ходики с клепсидрой на Лигере-Столбовом, но, чтоб спокойно жить, для пущей подстраховки непременно брали в каждый дальний рейс живого петушка, резонно полагая: сложная техника, неровен час, соврет – и не заметишь, а природная-то тварь себе

такого не позволит никогда. Не то чтоб эталон, но – как бы добрый ангел, голосистый и крылатый...

– Вот теперь и впрямь пора вставать, – лениво потянувшись на пуховом тюфячке, промолвил капитан. – Теперь-то уж – наверняка. Ведь сотню раз напоминал начальству: сверьте ходики, отладьте – нам же точность в космосе нужна! Неимоверная!.. А если – голод, упаси господь? Съедем мы петушка – и что тогда? Всей точности конец?! Нет, ноль внимания... И нате вам: часы, естественно, бегут!

Матрай Докука очень не хотел вставать и, разглагольствуя, как будто продлевал немножко дрему.

– Да, кэп, да, ты безусловно прав, – вздохнул с тоскою Ривалдуй. – Ведь лишняя-то целая минута сна – порой дороже жизни. Уж такая сладкая!..

– Ну, ладно, насладились чуточку – и хватит. К делу! Давай Пупеля буди, – распорядился капитан. – Пораньше начнем – пораньше и закончим. Нас еще город дожидается!

– Ага, – коротко ответил Ривалдуй и тотчас снова завалился спать.

Матрай Докуке это не понравилось.

– Эй! – закричал он, вскакивая с тюфячка. – Ты будешь досыпать, а я – трудись?! Ох, смотри, Ривалдуй, вернемся домой, на Лигер, – такой тебе выговор влеплю!.. – Для вящей убедительности капитан потыкал в гамак кулаком.

Ривалдуй разом оказался на полу.

– Кэп, – сказал он очень серьезно, – ты так больше не шути. Это слишком жестоко. Я ведь в космосе – до последнего строга. Сам знаешь... У меня от каждого замечания поджилки трясутся. И сердце обрывается. Ты же не хочешь, кэп, вернуться домой со свежим покойничком на борту?

– Э-эх, – укоризненно сказал капитан, – опять ты за свое. Дымоход заставлю чистить!

– Дымоход? – ужаснулся Ривалдуй. – Какой – ракетный?! Нет! Только не это!.. Всё, бегу Пупеля поднимать. И, кстати, кэп, уж вот кому бы надо выговор вlepить!

Матрай Докука скроил печальную гримасу и безнадежно развел руками:

– Ты его лучше не тронь. Он слаб. Пупель если не проспится – его потом целый день все равно что и нет. Не вменяет... А зачем он нам такой?

– Устроился, стервец! – завистливо пробормотал Ривалдуй и, крихтя, полез под пульт управления, где Пупель Еня устроил себе лежачок.

Очень славный лежачок. Как гнездышко...

Ривалдуй бесцеремонно выволок Пупеля за ногу на середину каюты и склонился над ним.

– Встань, Пупель, по-хорошему тебя все просим! – потребовал он.

Пупель Еня не шелохнулся.

– А хочешь, я дам тебе медовый пряник? – вкрадчиво поинтересовался Ривалдуй.

Пупель Еня мигом сел, зорко приоткрыв один глаз.

– Где пряник?

– Ага, вот и проснулся, – удовлетворенно потирая руки, выпрямился Ривалдуй. – И не пытайся снова уснуть – все равно тебе не поверю.

– Опять с пряником надул? – обиделся Пупель Еня.

– Натощак – не положено!

Ривалдуй развернулся, встряхнулся и, шлепая босыми ногами, совершил короткую пробежку в туалет быстрого пользования, пристроенный к ракете снаружи.

Выйдя оттуда, он еще немножечко продолжил бег на месте, в то же время как бы приседая, – очень сложный элемент в утренней зарядке.

Потом сделал пару простеньких дыхательных отмахов, лихо подтянул небесно-голубые подштанники и, громко свистя какой-то радостно-похабенький мотив, который слушал еще в детстве, вновь пошел вон из каюты.

Подоспело время умыться.

– Не бойсь, кэп, сегодня мы им всем покажем такую кузькину мать!.. – ободряюще бросил он в дверях.

Через несколько секунд он, однако, вернулся. Озабоченный и мрачный.

– Что, никак, рукомойник... совсем развалился? Сгнил? – настороженно спросил Матрай Докука.

– Нет, рукомойник цел. Чего ей, этой чушке, сделается! Где моя зубная щетка? – Ривалдуй испытующе уставился на своих спутников. Но тотчас спохватился: – Погодите, погодите... Да ведь я же ее отдал *им*!..

И сразу же в ракете стало как-то очень скучно, тягостно и неудобно...

– Воистину – мерзавцы! – грустно резюмировал Матрай Докука. – Подлая шпана.

– Правильно, кэп, золотые слова, я сам бы лучше не сказал, – поддержал Ривалдуй, гневаясь невероятно. – Так и начни сегодня свою приветственную речь: «Дорогие товарищи аборигены! Доводим до вашего сведения: вы все – дерьмо!» И добавь еще что-нибудь в этом роде. Аплодисментов, правда, не будет. Впрочем, если хочешь, мы можем похлопать немножко. В знак солидарности подчиненных с начальством...

– Прекрати немедленно! – с возмущением замахал руками Матрай Докука. – Фанфарон! И вообще... Вот ведь, опять сегодня рубашку наизнанку надел... И что мне не везет с этими рубашками?! Прямо наказание какое-то!

– А это – оттого, что умный очень, – уважительно заметил Пупель Еня. – Когда будем завтракать, кэп? Если память мне не изменяет, твой черед быть коком.

– Здрасьте, вспомнил!.. – буркнул капитан. – Да вы же знаете, какой из меня повар! Снова проносит всех, раздует животы и... все такое. Я могу, конечно... Не такой уж это труд. Могу уважить...

– Должен, кэп! Кто график составлял перед отлётом? – наседал занудно Пупель Еня. – Ты, собственноручно. Всё по дням расписано, на годы... Что же мы, голодные останемся? Никто вместо тебя не будет...

– Может, обойдемся, а? – вмешался Ривалдуй. – Ну, поработаем немного натошак. Не вырем же, в конце концов! А вот управимся с этими проходимцами – тогда и запируем от души! Я кэпу подсоблю.

– Нет, натошак я ничего не смыслю, – не сдавался Пупель Еня. – Бесполезно! Становлюсь, как баобаба... И глупостей наделаю – потом не разгребете.

– Это чувствуется, – хмыкнул Ривалдуй. – По этой части ты большой мастак. Но если кэп нас всех сейчас накормит и мы... ну... заболеем – будет лучше, да? Тогда уж точно – так обкакаемся перед местными!.. Тебе что, принцип важен, лишь бы им не поступиться? Или дело?

– Вообще-то... дело. Мне на принципы плевать, – сознался Пупель Еня. – С ними в космос никогда не полетишь. Да и Контакта не наладишь...

– Вот! – окрылился Ривалдуй. – А нам теперь и нужно, чтобы мысль, как молния, плясала, чтоб мы были свежие, здоровенькие! Лучше потерпи.

– Не буду, – мрачно и упрямо отозвался Пупель Еня. – Не же-ла-ю! Понял? Ведь пока сюда летели...

– Ты сравнил! – всплеснул руками капитан. – В полете я бы мог готовить вам буквально каждый день – и то бы ничего. В полете, как на даче, – напрягать мозги не надо. Хоть сто раз отпучился – подумаешь, беда! Ривалдуй верно говорит. Пожалуй, лучше натошак теперь. И я... О вас же ведь забочусь! Капитанская душевная опека.

– Просто лень тебе, и все тут. Тоже мне, опека! – огрызнулся Пупель Еня, потихонечку смиряясь с тем, что есть ему сегодня не дадут. – Вон, полюбуйте-ка: красавцы уже здесь, – кивнул он на иллюминатор.

К ракете с гордым видом приближались аборигены.

Но посохов у них в руках не было, и на головах сидели какие-то дурацкие, расхристаные тюрбаны.

К тому же были туземцы совершенно голые.

– Позвольте-ка, но это, кажется, не те... – опешил, вглядываясь, Ривалдуй. – Нет, точно. Вчера были другие! А эти вообще безо всего...

– У, бесстыдники, – беззлобно крикнул капитан. – Хотя... погода позволяет... Батюшки, да среди них и женщина есть!

– Где, где? Действительно! Гляди... Живая женщина, и не в журнале... Ой! Нам бы в экипаж... – промямлил Пупель Еня, фантастически глупея на глазах. Может быть, и вправду с голодухи...

Приписка на полях:

Где-то сказано, что Ривалдуй был девственницей, нарядившейся мужчиной, только бы попасть на звездолет. Вопрос деликатный, но, ежели поставлен, требует опровержения. Усы, гусарский рост и прочее – еще не доказательство, конечно. Но есть характеристика из КУКИЗЫ, где прямо говорится: «Отрок Ривалдуй, болван и проходимец, рекомендуется к полету, дабы не срамил отечество, внутри его пределов находясь»! Рассуждением поделился Бумдигцпуппер.

Пункт тринадцатый

Тут из-за кучи выменянного добра показались три заспанные вчерашние физиономии. Несколько томительных мгновений они обалдело таращились на пришельцев, затем переглянулись, перемигнулись и – разом исчезли.

Пришельцы, явно не рассчитывавшие встретиться здесь с соплеменниками, встали, точно наткнулись на невидимую преграду, и на их лицах обозначились тоска и смутнение.

Тогда три головы опять взметнулись над кучей недавних подношений, самый хиленький из прячущихся вдруг скривился, плюнул и со злорадством показал язык.

Такое наглое поведение вчерашних разозлило сегодняшних не на шутку.

Один из мужчин яростно топнул ногой, а женщина с воодушевлением произвела серию бойких движений, недвусмысленно означавших: «Поддай им, прохвостам, поддай!»

В следующую секунду, огласив долину сатанинскими дурными воплями, трое вчерашних проворно выпрыгнули навстречу сегодняшним.

После чего аборигены, вереща и корча всяческие оскорбительные рожи, осыпая друг друга несомненными угрозами и проклятиями, принялись плевать и кидаться камнями, да с такою силой, что увесистые булыжники, как градины во время чудовищной непогоды, гулко забарабанили по бревенчатой обшивке звездолета, рикошетом отлетая во все стороны.

– Ой! – не на шутку испугался Пупель Еня. – Ракета старая – изувечат!.. Где потом чинить?

Женщина сама никаких каменюк бросать не порывалась, однако била пятками в землю, спиной упершись в ракетную посадочную распорку, истово визжала, гулко пукала, налево и направо взбрыкивала бюстом и вся аж исходила от ярости, подбадривая тем своих сражающихся спутников.

Тут неожиданно в руке вчерашнего коротко блеснул здоровенный кухонный нож.

И схватка моментально прекратилась.

Перевес вчерашних стал слишком очевидным.

– Ум-бр-вр-ыуи-ять! – прорычали двое сегодняшних и, бессильно затрясши головами, с досадой швырнули на землю припасенные булыжники.

Они сорвали с себя царственные тюрбаны и в сердцах растоптали их.

Женщина длинными ногтями разодрала в кровь свою воинственную, пышущую зноем грудь и зарыдала.

Вчерашние стояли, гордо выпятив животы, и благодушно улыбались.

– Это *наш* нож пригодился, – то ли гордась, то ли страдая, прошептал Матрай Докука. – Обменяли им вчера. Вооружили...

– Могут и по шее, кэп, наkostenять, когда домой вернемся, – так же шепотом заметил Ривалдуй. – Сбыт населению предметов убивательного назначения. Сам знаешь: по инструкции запрещено... А, кэп?

– Вот возвратим свое добро, тогда и будем размышлять, – сердито буркнул капитан. – Нам эти новоявленные как-то ни к чему. Всё дело только портят.

– Разделяй и властвуй? – хмыкнул Пупель Еня. – Ты, кэп, голова!

Победители меж тем стали понемногу выдвигаться на новые, ближние к пришельцам рубежи, поминутно припадая к ящикам, прячась за ними, а затем скачками преодолевая очередную зону пустого пространства.

Космонавтов, прильнувших к иллюминатору, они словно и не замечали...

Внезапно женщина метнулась к куче выменьянного за вчерашний день добра, что-то наобум прихватила из нее и, не мешкая, пустилась наутек.

Оба спутника мигом брызнули за ней.

Пункт четырнадцатый

– Горячие местные парни, – криво усмехнулся Ривалдуй, глядя в окно. – Кавалеры хоть куда!

– Ну, и?... – спросил Пупель Еня, когда страсти улеглись. – Что будем делать?

– Спустимся, чего там... – без особого энтузиазма предложил Матрай Докука. – И ракета вроде уцелела, и распорки не погнулись. Можно снова стартовать. Теперь, я думаю, взлетим. Вот заберем всё, смажем коленвал и – прочь отсюда, пыль столбом!.. Должны же мы, в самом деле, доказать, что ни в чем не уступаем этим шалопахам! Только тогда они станут нас уважать.

– Лучше бы боялись, – вздохнул Ривалдуй. – Так оно спокойней бы было...

Пункт пятнадцатый

Вчерашние аборигены чинно сидели в кружок между ящиками и с невозмутимым видом, смачно чавкая и облизываясь, уминали недожаренное мясо и дули прямо из бидонов скисшее на солнце пеке молоко.

Так сказать, завтрак на пленере. Тихий и незамутненный...

Появившиеся из ракеты космонавты на них как будто вообще не произвели впечатления.

– Ривалдуй, – распорядился, хорохорясь, капитан, – включай лингвоперчик!

– И звук поубавь, – заметил Пупель Еня. – Натощак раздражает!..

Сверкающий раструб с величественным скрипом повернулся к туземцам.

– Добренькое утречко, друзья мои, салют вам всем! – бодро сказал капитан, изображая на своем лице ослепительную улыбку, и распушил бакенбарды. – Я вижу, вы сегодня выпались преотлично!

Аборигены перестали жевать и, не соизволив даже обернуться, лениво кивнули.

– Это что-то новое... – подозрительно сказал Ривалдуй, и роскошные пшеничные усы его воинственно встопорщились. – Новая тактика игры. Интересно!.. Похоже, они перестали принимать нас всерьез.

– А это мы еще посмотрим! У нас тоже – тактика. Враг даже не заметит... Эй, приятели, – повысил голос капитан, – не правда ли, прекрасное сегодня утро?

– Позолоти ручку, – барски откликнулся один из приятелей, ковыряя пальцем в ухе.

– Рацию, живо! Господ задабривать надо. Хотя бы на первое время...

– Да ты что, кэп?! За прекрасное какое-то утро – рацию отдавать? – возмутился Пупель Еня.

– Ну и жаден ты, – презрительно скривился капитан. – Тогда отдай свои очки!

Рация стала собственностью аборигенов.

– И что они с ней будут делать? – прошептал недоуменно Ривалдуй.

Матрай Докука приосанился, подправил двумя пальцами парик, зашитый все же поутру, за неимением нормальных ниток, толстой медной проволокой, после чего шкодливо подмигнул товарищам и снова повернулся к лингвоперчику.

– Ну, что же, обе стороны, мне кажется, вполне созрели для больших и вдумчивых переговоров, – важно и официально начал он. – Так вот. Я кое-что хотел бы уточнить. Вчера мы просмотрели фильм о вашей планете, который сняла вон та машина, – он указал на серебристую самокрутку, стоявшую поодаль. – Очень тонкое и умное устройство. Самокруткой называется... Я продолжаю. Этот фильм на многое открыл нам глаза, многое позволил нам понять... Мы, в частности, выяснили, что ваша планета имеет форму таза, перевернутого вверх дном, и, что самое замечательное, таза дырявого!

Аборигены отложили еду и в замешательстве уставились на капитана.

– Видимо, вам ранее уже было известно, что светило ваше похоже на никелированный чайник среднего размера, раскаленный добела...

– Вот-вот! – с готовностью поддакнул Ривалдуй.

– Не белый, а лиловый. В крапинку, – ретиво возразил один из аборигенов.

– Х-м... – сказал капитан, морща лоб. – Не белый, а лиловый... Да еще в какую-то там крапинку. Однако!.. – Он обернулся к своим спутникам, как бы ища дружеской поддержки, но те лишь виновато отводили глаза и безмолвствовали. И тогда капитана осенило: – Ну, естественно! – воскликнул он и разразился сатанинским смехом. – Разумеется! Да! Именно лиловый! Ведь, если вдуматься, никакой разницы и нет. Все белое должно быть лиловым! А все оранжевое может быть... только черным.

– Не черным, а лиловым, – настойчиво поправил абориген, и в глазах его вдруг зажглись диковатые и злые огоньки. – В крапинку. Известно всем.

– Далась им эта лиловость! – раздраженно дернулся капитан. – Не понимаю... Тут подвох какой-то!

Он задумался и принялся вышагивать взад-вперед по вытоптанной площадке.

– Лиловый, лиловый, в крапинку... – твердил он вполголоса. – Враки! Все лиловое не может быть лиловым! А крапинок не существует вообще!

– Его так учили в школе, – быстро вставил Пупель Еня. – Образованности нет предела! Аборигены выпучили глаза и прямо-таки задохнулись от негодования.

– Как это не может?! Как не существует?! – ухнули они. – А наш государственный флаг?! Самое святое?!

– Вот-вот, – встрепенулся капитан, – и только так! Без возражений. Позолоти-ка ручку, ирод! Я тебе все объясню. Вернее, вам!

Аборигены сникли и затосковали.

Потом один из них, не вставая, нагнулся, поднял с земли связку стеклянных бус и вручил ее космонавтам.

– Ну, наглецы! – окрысился Ривалдуй. – И как только совести хватает!..

– Теперь я понял, на что нужно напирать, – с мстительным воодушевлением шепнул капитан. – На их патриотизме сыграем! Всегда превращает человека в идиота, особенно в мирное время. А патриотизм впрок – и подавно убойная сила. – Он потер руки и счастливо захихикал. – Я открою вам маленький секрет. Пометьте себе где-нибудь, пригодится... Не вы, а *те трое* были первыми здесь.

– Истинно так! – заверил Пупель Еня.

– Неправда! – взъерепенились аборигены. – Клевета! Подумайте-ка сами...

– Вот хорошенечко позолотите ручку – тогда и будем думать. Но – не раньше!

Аборигены скорчили зверские рожи, вскочили на ноги и принялись спешно расшвыривать кучу.

Наконец они нашли то, что искали, и тогда с превеликим трудом, кряхтя и надрываясь, подтащили к космонавтам три огромных мешка с кирпичами.

– Взлетный балласт назад пришел, – кисло осклабился Ривалдуй. – А мы переживали... И посуда битая... похоже, больше ни к чему...

– Ну, спасибо, – сурово сказал Пупель Еня. – Нам эти каменюки надобны сейчас, как петуху индеец.

– Ничего, – утешил капитан, – это ведь только начало. Генеральная проверка... Тактика всегда меняется по ходу боя. Если знаешь, что на что менять... Отныне будем требовать вполне конкретные предметы. Покажем этим мракобесам, чего стоят настоящие спейсотововики! Вот, помню, на Альдебаране, на планете Чавка-7...

– Да-да, мы это уже знаем, кэп, – поспешно заверил Ривалдуй. – Шесть раз рассказывал. Ты там одним росчерком пера пятьсот дракульников убил. Боюсь только, здесь такие трюки не пройдут.

– Я не трюкач, – обиженно возразил капитан. – Я – честный, скромный труженик героизма. Мастер своего дела. И без меня вы все тут пропадете.

– Господи, опять – самовосхваление?! – тоскливо вздохнул Ривалдуй.

– Ну-ка, ну-ка, золотите ручку! – грянули аборигены. – Был вопрос!

– А я как раз предупреждал, – назидательно сказал Матрай Докука. – Сейчас бы вы определенно что-нибудь отдали. Ну, а я не дам им ничего.

– Но мы требуем!

– Вот позолотите ручку – тогда и требуйте, – безмятежно ответил капитан.

На несколько минут настало злобное всеобщее молчание.

Но страсть к вымогательству засела, видно, в головах аборигенов, как по шляпку вбитый гвоздь.

– Так нечестно, – заявил один из них.

– Все честно, – отрезал Матрай Докука.

– Нет, нечестно!

– Хорошо, позолотите ручку – и мы согласимся с вами.

Аборигены хором всхлипнули от своего полнейшего бессилия и, долго не раздумывая, шваркнули к ногам космонавтов ящик с запасными гнутыми болтами, нержавеющей шпильками и пробками от пива.

Были там, впрочем, и другие восточные сладости...

Капитан заглянул в ящик, благосклонно покивал и с кротким видом сообщил:

– Ну, конечно же, друзья мои, нечестно! Вы это очень тонко подметили.

Услыхав такое признание, аборигены мгновенно воспрянули духом:

– Да-да, обманывать нельзя!

– Ха! – самодовольно возразил Пупель Еня.

– А теперь вы – позолотите ручку, и мы с вами согласимся, – захихикали аборигены.

Матрай Докука волком глянул на Пупель Еню и выразительно постучал себя пальцем по лбу.

– А я – ничего... – засуетился разом Пупель Еня. – Я вот... как бы лучше всем...

– Дурак ты, мил дружок, и с дураками споришь, – процедил капитан.

– Сам дурак, – отводя глаза, с тоскливой безнадежностью констатировали аборигены.

– А ну-ка – брысь! – вдруг осерчал Матрай Докука. – Уж чья бы корова мычала!.. Вот, ей-ей, к фалдую, пришибу! Ух, лиловщики бесстыжие!..

Аборигены побледнели, не на шутку испугались, сразу что-то там смекнули и тогда молча, не сговариваясь, припустили в разные стороны.

Через пять секунд и след их простыл.

– Ну вот и ладушки, – отметил удовлетворенно капитан, – поле боя, так сказать, за нами. Давайте-ка перетаскивать вещи в звездолет.

Он первым двинулся к туземной стоянке, но тут, ошеломленный, замер.

Из-за дальней посадочной распорки на него зорко и с лютой ненавистью уставились два аборигеновых глаза.

А эдак в метре от земли, стиснутый обеими руками, угрожающе раскачивался увесистый булыжник.

Давнее оружие пролетариата, каковой готов всё потерять, кроме своих цепей... Хотя другое, что не слишком хорошо лежит, еще обидней потерять... Но тут – как повезет...

– Не трожь! – дурным голосом гаркнул абориген. – Не замай чужого!

– Вот как? – опешил на мгновение капитан. – А ты позолоти ручку – я, пожалуй, и не трону.

Аборигены не спеша, с величавым достоинством собственников, отстоявших от нападков свое законное имущество, вышли из-за укрытий.

– И барахла всякого мне не давайте, – предупредил Матрай Докука. – Надоело! Будем по науке. Дайте мне вон тот самотикающий климататор.

Аборигены посетовали немного, меж собой бурно посовещались и, наконец, изъяли из наторгованной кучи нечто, в высшей степени похожее на фаянсовый унитаз.

То был поясной бюст капитана, модернистски вываянный невесть каким умельцем на Лигере-Столбовом.

Эту чудесную штуковину Матрай Докука брал с собой во все полеты.

И, бывало, ночью, когда спят товарищи, тихонечко достанет бюст из сундучка, легонько посшибает тараканов и клопов, поставит в уголку на тумбочку – и смотрит, смотрит, будто что выпытывая молча или просто дружески общаясь...

Впрочем, иногда и разговоры заводил...

Отменно уважал скульптуру.

Но был в ней и особенный секрет.

В бюстовых зрчках порою загорались красненькие лампочки и чутко реагировали на текущий климат. Это очень помогало.

– Вишь как, снова вместе... – умилился капитан и нежно щелкнул бюст по носу.

Тот мелодично звякнул – и лампочки немедля показали всё, что надо.

Климат на планете в целом был здоровый. Хоть и непростой... По крайней мере – здесь.

Капитан оценивающе оглядел предметы, что успел вытребовать за сегодняшнее утро.

– Отдаю мешок балласта и пол ящика гвоздей с секретными болтами за самоценный женоприворотник! – объявил он громко. И, оглянувшись на товарища, добавил чуть потише: – Смотри, Ривалдуй, о тебе ведь забочусь.

– Понимаю, кэп, – потупясь, молвил тот. – Благодарю, не знаю как!

– Ящик, – упрямо возразили аборигены. – Меньше – унинительно. Давай весь ящик.

– Не хотите – не надо. Извини, конечно, Ривалдуюшка, но ты – в пролете. Не сложилось для тебя... Да за такую ерунду целый ящик только кретин отдаст!

– Но, кэп!.. – с томлением воскликнул Ривалдуй, чувствуя, что сделка уплывает из-под носа. – Почему же это – ерунда? Я, знаешь, эдак не считаю. Очень даже тонкий агрегат. И дорогой! Полезный...

– Мне видней, – отрезал капитан. – Потерпишь... Дома, в крайнем случае, другой закажем. Может, даже лучше прежнего. А нынче... Ведь какие начинаются дела!.. Какой базар! Сейчас мы их в два счета... И, пожалуйста, не ной! Ты лучше слушай и учись. Меняю мешок балласта и связку бус на электронный самостоятель!

– О собственной выгоде печешься, – горько усмехнулся Ривалдуй.

– Плюс ящик, – упорствовали аборигены. – Не отступимся от своего!

– Нет, минус ящик. Я от своего тоже не отступлюсь. Хотя... позолотите ручку – и весь ящик ваш.

Сделка состоялась.

Космонавты получили взамен самостоятель и эмалированный таз в придачу.

– Прекрасно, – сказал Матрай Докука, – дело двинулось на лад. Меняю мешок балласта и таз на двенадцатиугольный самоизворотник!

– А ты больше ничего не хочешь?! – уязвись, окрысились аборигены.

– Правильно-правильно, – кивнул, вполне довольный, капитан, – позолоти-ка ручку, товарищ! Впрочем, не надо. Вместо этого давайте самоизворотник.

– И не после, а сейчас, – добавил Ривалдуй.

Аборигены отступили на несколько шагов и принялись шумно совещаться.

Кончилось дело дракой.

– Самокрутку – за телескоп! Без разговоров! – чуть позже, придя, наконец, к непростому согласию, надумали аборигены.

– За телескоп-то – самокрутку?! – невольно вырвалось у Пупель Ени.

– Позолоти ручку! – восторженно заорали аборигены. – Самокруткой позолоти! Давай-давай!

– Да, Пупель, наломал ты дров, – печально молвил Ривалдуй.

– А кому самокрутку отдавать? – вдруг, глядячи куда-то в пустоту, поверх аборигеновых голов, риторически осведомился капитан.

– Позолоти ручку!

– А кому ручку-то золотить?

– Нам, – оторопели аборигены. – Позолоти!

– Так ведь... нету вас! Не видно никого. И – не было. Совсем! – подбоченясь, нагло заявил Матрай Докука. – Вы – сплошной обман. Иллюзия, и не больше.

– Да уж, – вставил Ривалдуй, которому – после столь внезапной и обидной утраты женоприворотника – ужасно захотелось мстить.

– Как это – нету!? – охнули аборигены. – Как это – иллюзия?! Всё на местах! И ум, и честь, и совесть... И другое... Всё – в натуре и при нас!

Матрай Докука лучезарно улыбнулся и отвесил аборигенам низкий театральный поклон.

– Прошу прощения, приятели, немного обознался. Всякое бывает... С вас два вопроса. Я жду удвоенной мзды.

– Но ведь вы нам тоже вопросы задавали!

– Не будьте мелочны. Когда мы спрашивали, мы глубоко заблуждались. Разве можно человеку это ставить в вину? Это просто непорядочно с вашей стороны.

– Ага, вопрос! – встрепенулись аборигены.

– Правильно, – невозмутимо согласился капитан. – Один вопросик я готов признать... Но я хочу напомнить вам: когда вы только что дрались, пылица стояла такая, что мы едва не задохнулись. За причиненный ущерб здоровью требую материальной компенсации. В двойном размере. Итак, четыре – один в нашу пользу, господа!

– Ну, – сурово сказал Ривалдуй. – Мы ждем.

– Ничего, подождете.

И тогда капитан разозлился окончательно.

– Вот-вот, – сдавленно-вкрадчивым голосом начал он, – теперь-то уже ясно: только на этой гнусной планете, в этом гнусном государстве с этим гнусным строем и гнусным руководством каждый может присвоить чужую вещь. Только ваши бандитские законы и уголовные порядки позволяют вам безнаказанно облапошивать честных людей. В этом грязном вымогательском мире, где человек считается скотом...

– Прекрати! Сию же секунду! – взвизгнули аборигены, с тоской и ужасом озираясь по сторонам: не наблюдает ли кто случаем со стороны, как они выслушивают столь крамольные излияния.

– Нет! Возмущенье рвет меня на части! Не могу молчать! – входя в раж, прогремел Матрай Докука. – И это еще не всё! Это только начало!.. Позор вора и отщепенцам! Теперь я вам скажу такую правду!..

Приписка на полях:

И в этих словах – весь капитан. Правдолюбец несусветный. Когда разбиралось дело о неуплате алиментов семерым покинутым детишкам, капитан воскликнул: «Может, еще и дюжину велите обожать?!» И ведь был прав! Расследование показало, что их и впрямь не семь, а все двенадцать. Тогда-то капитан и стал первопроходцем. (См. комментарий.)

Тут аборигены перетрусили совсем.

– Да замолчи же ты! – взмолились они хором. – Перестань! Нет больше сил такое слушать!..

– Ага! – торжествующе вскричал капитан. – Боитесь?! Правильно! Вот так и надо! В пекло вас, в подвалы, за решетку! – И, уже вполне обыденно-нахальным тоном, добавил: – Впрочем, если хотите, чтоб я замолчал, отдавайте по-хорошему. Всё отдавайте! Или я сейчас возьму мегафон... И тогда...

– Не надо, – дрожащими голосами ответили аборигены. – Забирай свои шмотки. Улетай! Ничего нам твоего не нужно. Оставь только в покое.

– Значит, так. Все вопросы аннулируются, – деловито приступил Матрай Докука. – Наши переговоры заканчиваются. Вы – убираетесь восвояси.

– А вы? – с надеждой спросили аборигены.

Матрай Докука хитровато улыбнулся и незаметно загнул один палец.

– Там видно будет, – небрежно отозвался он. – Возможно, тоже улетим, а может, и задержимся еще немного. Вас это не должно касаться.

– А вы на нас не донесете?

Матрай Докука улыбнулся еще шире, хмыкнул и на всякий случай незаметно загнул второй палец.

– Я понимаю вас, приятели, – значительно кивнул он. – Вы сизмальства воспитаны системой и ее боитесь, как все подлинные патриоты. Но мы – не доносчики. Мы, да будет вам известно, знаменитые космопроходчики, как говорится – первооткрыватели. Да-да! Вот вас первооткрыли... Не хухры-мухры! Вы нам за это в ножки кланяться должны.

– Ни за что, – насупились аборигены.

– Мы и не настаиваем, – милостиво согласился капитан. – Не видим особой нужды... Мы любим справедливость. Чтобы все было шито-крыто. Без намеков-экивоков... Между прочим, вы эти вещи у нас выудили – сами же их в ящики и упакуете.

– Хорошо-хорошо, всё сделаем, – с готовностью засуетились аборигены.

Пункт шестнадцатый

– Ривалдуюшка, пойдй смажь коленчатый вал – через час будем снова взлетать, – приказал капитан. – Нужно все-таки на город посмотреть. Возможно, *там* с Контактком что-то выгорит. По крайней мере я надеюсь...

– Ну, еще бы! – просиял поникший было Ривалдуй. – Я, кэп, тоже... Правда, боюсь, со смазкой могут быть... ну... скажем так, проблемы...

– Это почему? – насторожился капитан.

– Да вот... перед отлетом, на Лигере-Столбовом еще, я... как бы это объяснить... короче, кадку с маслом обменял на новенький бочонок с коньяком...

– Зачем?

– Ну, вышло так, – уклончиво ответил Ривалдуй. – Мне предложили, а я, видит бог, не устоял... Ты уж прости, кэп.

– Идиот! – взбешенный, прошипел Матрай Докука. – Коленвал теперь совсем заклинит! Понимаешь?!

Ривалдуй пожал плечами.

– Как-то ведь взлетали до сих пор, – заметил он.

– Вот – как-то! С божьей помощью... И ты не рассказал ни мне, ни Пупелю? Смолчал?! Эх!.. – Капитан с презрением махнул рукою. – Тоже мне, товарищ! Где бочонок?

– Да я приторочил его к стенке, около сортира, – ну, снаружи, чтоб не очень выделялся... А метеорит его пробил... Навылет. И, естественно...

– Врешь, Ривалдуй, – сощурился Матрай Докука. – То-то всю дорогу мне мерещился какой-то странный запах... Будто застоялым перегаром то ли от тебя, то ли от Пупеля несло... А это, стало быть, когда вы бегали в кабинку по нужде... Ох, Ривалдуй! Я человек, конечно, добрый, терпеливый...

– Ничего не знаю, кэп, – смятенно отозвался Пупель Еня. – Может, от меня когда и пахло ненароком, я не отрицаю, только ведь, изволишь видеть, у меня с рождения какой-то своенравный, просто удивительный желудок – сам не понимаю, что там происходит, но порою газы начинают так благоухать!..

– После сортира – коньяком?

– А что ты думаешь?! Природа человека – до сих пор великая загадка. А природа настоящего героя...

Но договорить он не успел.

Внезапно в стане врага случился заговор.

Аборигены разом прекратили упаковочные работы, сбились в кучку, зашушукались, и лица их исказили судороги затравленной мысли.

Потом туземцы как-то уж особенно жестоко рыкнули, сорвались с места и, обежав вокруг ракеты пару раз, взялись бесстыдно заводитьсь, собираясь с духом.

– Эй! – с беспокойством обернулся Пупель Еня. – Вам же приказали!

– И пока по-хорошему, – добавил Ривалдуй.

В ту же самую секунду аборигены вдруг совсем кошмарно, по дикарски, завопили, ухнули и дружно выхватили из-под своих лохмотьев громадные пугачи.

– Именем высшего планетного закона, – сумрачно хлюпнул носом один из них. – Ни с места. Вот.

– Чего-чего? – не понял капитан.

– Вы облили грязью наши власти и наш строй, всю нашу горячо любимую систему, – зверски улыбаясь, сообщил один из аборигенов. – Вы глумились над священным нашим флагом!.. Да, вы занимались подрывной, преступной деятельностью. Нет пощады клеветникам, врагам народа! Ваше имущество конфискуется. Все наши вопросы аннулируются. Бежать не пытайтесь – догоним и прибьем.

– Проклятье! – бессильно затопал ногами капитан. – Вы еще будете приказывать?!

– Кэп, лучше не двигайся, – предупредил Пупель Еня. – С этих подонков все станется. Не видишь, что ли? Пальнут – и поминай, как звали...

– Но это форменная уголовщина! – возмутился Ривалдуй. – Хуже не бывает!

– Мы вызовем по рации солдат, они свезут вас в город – там всё быстро растолкуют, – пообещали аборигены. – Это у нас делают умело. И моргнуть не успеете... Мы-то, конечно, люди гуманные, с вами будем обращаться по-человечески. Но завтра... Ишь какие – планету хулить вздумали!..

– Эх! Подарили за прекрасное утро рацию, – вздохнул Пупель Еня, – а теперь нас в местную каталажку упекут. Вот она – справедливость!..

– Ты мне еще поговори тут, – пригрозил Матрай Докука. – Что за настроения?

– Ага! – улюлюкнули аборигены.

– А вас не спрашивают! Нечего совать носы в чужие дела. И вообще!..

– Ну-ка, – осерчали аборигены, – надоело! Залезайте-ка вон на те ящики – да сидите смирно!

Не имея никакой охоты дальше препираться и нарываться на очередные неприятности, космонавты уселись на пустые ящики и тяжело задумались.

– Диверсия! – бедово заявил Матрай Докука. – Нужна молниеносная диверсия. Я всё уже обдумал... Двое отвлекают внимание, а третий незаметно пробирается к рации – и крушит ее, крушит!

– Жалко рацию, – возразил Пупель Еня. – Большие, знаешь, деньги стоит...

– Скупердяй несчастный, – покривился Ривалдуй. И вдруг добавил, осененный новой мыслью: – Слушай, кэп, чего паниковать? Сам посуди... Ведь в рации все батареи сели! Я еще вчера, как спать ложились, собирался их сменить, да вот – забыл...

– Ривалдуюшка, ты – чудо! – просиял капитан. – Почаще бы ты так забывал!..

– Странная штука – память... – ни к селу, ни к городу заметил Пупель Еня.

Аборигены обеспокоились не на шутку, когда внезапно увидели, что их поднадзорные уж как-то вовсе не по делу улыбаются и даже радостно хлопают друг друга по плечу.

– Прекратить! – грянула никелированная труба лингвоперчика. – Нечего смеяться! Разгулялись!.. Вы, небось, у себя в ракете будете ночевать, а нам спать на дворе. Давайте-ка, пока помним, вашу одежду.

– Ну вот, – сказал уныло Пупель Еня, – дожили. Теперь и раздевают... Гуманисты вшивые... А мы так не согласны! Нам курить, например, нечего. Вот выдайте каждому по пачке сигарет да зажигалки в придачу...

– Ладно, – согласились аборигены. – Пачку на всех.

– Вот скряги! Но вообще-то днем здесь жарко... – задумчиво проговорил Ривалдуй. – Перебьемся. А в ракете печурку протопим.

– Р-раздевайсь! – скомандовал Матрай Докука.

Через минуту все трое были совершенно голые.

Аборигены придирчиво ощупали драповые парадные комбинезоны, подбитые гагачьим пухом, всласть полюбовались разноцветными подштанниками, с одобрением поцокали языками и вслед за тем, не снимая своего тряпья, сноровисто облачились в новые наряды.

И вмиг посоловели, обливаясь потом.

С употелых глаз и при фатально-удручающем расстройстве вразумительных движений, они выдали каждому спейсотусовщику не по одной, а сразу по две зажигалки, но всего четыре сигареты на всех.

Матрай Докука, чувствуя себя несправедливо облапошенным, полез было качать права и препираться, однако вскорости сообразил, что это совершенно бесполезно, и, махнув рукой, взял, сколько давали.

Космонавты щелкнули зажигалками и, сев рядом, с наслаждением задымили.

Пункт семнадцатый

Меж тем аборигены возвратились в жиденский тенек, который с их стороны как бы начал намечаться под посадочной распоркой, и взялись за свои котомки.

Первым делом они сообразили на троих.

– Ой! – завистливо простонал Ривалдуй и, зажмурясь, отвернулся.

Потом аборигены с жадным остервенением набросились на припасенную еду.

Как будто и забыли про недавний завтрак на пленере...

При виде сочных кусков на сей раз отменно прожаренного мяса, кулебяк, курей, икры, копченостей, пикантных маринадов и различных трав-приправ у космонавтов загорелись глаза и потекли слюнки.

– Жрать хочется, – жалобно сказал Пупель Еня. – Со вчерашнего дня ведь ничего не ел. И утром – пропостился... Тебя, кэп, послушал... Вот сваял дурака! А консервы-то – всё подчистую отдали... И разное другое...

– Придется одалживать, – вздохнул Матрай Докука. – Надеюсь, много с нас не сдерут... Послушайте-ка, приятели, накормите чем-нибудь!

– Позолоти ручку.

– Уж естественно!

– Кэп, – с ужасом пролепетал Пупель Еня, – чем мы будем отдавать?

– Чем-нибудь, – уклончиво ответил капитан.

– Но у нас же ничего, по сути дела, не осталось! Ракета вон... да самокрутка... Ну, и мелочь завалиющая... В какое тянешь нас болото, кэп?!

– Не ной! Болото, болото... Слово-то придумал! Это у тебя всё с голодухи. Поешь – и мигом поболеешь. Главное, Пупель, взять! А когда надо отдавать – еще раз взять. От этого маневра благодетель твой надолго окоченеваает и уже не просит и не ждет. А ты – опять возьми! И тут уж – точно – можно никогда и ничего не отдавать!

– Философ, теоретик! – буркнул Ривалдуй. – Да только не на тех, боюсь, напал.

– Я – капитан, и мне видней, – насупился Матрай Докука. – И учти: мошенничество во Вселенной – штука, так сказать, универсальная. Точнее, методы, которые используют, чтоб обдурить. Мы – люди и должны гордиться этим. И никто не смеет усомниться в нас! Кривая вывезет. Ты, Ривалдуюшка, терпи... Ну, где еда?

Аборигены нехотя зарылись в свои необъятные котомки, долго что-то там мусолили, притрамбовывали, раскладывали, перебирали – и наконец с постными, очень обиженными лицами протянули каждому из спейсотусовщиков по горбушке зачерствелого, неведомо где до того валявшегося хлеба.

– Здрасьть! – возмутился Ривалдуй. – Совсем уж офалдели! Ничего себе замашки. За кого нас принимаете? Нет, эдак дело не пойдет. Вы нам сухарики не подсовывайте. Как говорится, извините с нашенским плезиром. В руки взять противно, видеть тошно. Чай, живем не на помойке. Космос покоряем...

Все трое быстро передвинулись к туземцам и, махнув рукой на сиротливо высящийся в стороне лингвоперчик, без лишних церемоний перешли на язык жестов, в данном случае куда более выразительный и понятный.

После долгих и ожесточенных препирательств, сопровождавшихся взаимным поношением, харканьем, взыванием к высшим силам и деловитыми тычками в рожу, каждый из космонавтов получил в итоге по краюхе мягкого сдобного хлеба с изюмом внутри, по банке конфитюру, по куску прогорклого маргарина, по пригоршне семечек и по стакану не то едва наметившейся простокваши, не то вчерашнего подкисшего молока.

Ели молча и бездарно-торопливо.

– Хорошо! – отметил Ривалдуй.

– Нет, кэп готовит лучше, – приговаривал меж делом Пупель Еня. – Утром зря артачился. Сейчас бы были сыты и не лезли бы в долги.

– Ты все равно бы был голодный, потому что до обеда обдристался б весь. Ведь поваром сегодня – я, – с неудовольствием откликнулся Матрай Докука. – А про долги я уже вроде объяснил. И не мешай своими глупыми советами. Идет вселенская игра. Я экспедицию спасаю! Понял, да?

– Все верно, кэп, – сказал Ривалдуй, с упоением долузгивая последнюю семечку, – но где-то прав и Пупель. Ты об этом покумекай на досуге... А теперь самое время прикинуть, сколько мы задолжали за обед.

Лингвоперчик наострился и успел перевести.

– Ракету и самокрутку, – кротко сообщили аборигены. – Только и всего. Из уваженья к вам.

– Да вы, никак, совсем уж спятили! – взревел с отчаянием Пупель Еня, вздевая руки. – Вы, похоже, не соображаете, что говорите!.. Отдать ракету и самокрутку за этот тухлый маргарин и эти паршивые семечки?!

– Позолоти ручку – ответим.

– Дудки! Ничего вы не получите! – твердо произнес Матрай Докука.

– Ракету, самокрутку и еще что-нибудь, – задушевно потребовали аборигены, игнорируя его слова. – Всё по справедливости...

– Ну, что-нибудь еще мы, пожалуй, дадим...

Матрай Докука, клокоча от гнева, выудил из пустого ящика плюшевый, с бубенчиками, противогаз и шваркнул его к ногам туземцев.

– А теперь все остальное, – потребовали те.

– Все остальное? Я тебе морду сейчас набью – и этим дело кончится! – взбеленился Ривалдуй. – Я не шучу. Со мною лучше не тягаться – у меня разрядов тьма. Сам путаюсь порой... Ну, в самом деле, кэп, взгляни на этих негодяев. В чем у них душа только держится? А всё туда же... Так и норовят, так и норовят! По-моему, хватит церемониться с этими ублюдками. Свернем им шеи, да и заберем наше имущество. Без лишних разговоров. Устроим маленький погром. Во имя справедливости и добродетели... Как говорится, принуждение к любви...

– Мордобой с чужой цивилизацией? – усомнился капитан. – Я, право, и не знаю, хорошо ли это... Не успели встретиться... И сразу... А не нагорит ли нам потом?

– Да ерунда! Никто и не узнает, кэп, – убежденно сказал Ривалдуй. – Все останется между нами. Ну, а если кто и придерется, то ответ всегда готов: искореняли нездоровые настроения во Вселенной.

– Можно, наверное, и эдак вопрос повернуть, – задумчиво сказал Матрай Докука, дергая себя за бакенбарды. – Даже, наверное, стоило бы вынести на голосование... Но они вооружены. И мы – их арестанты. Нравится нам или нет... Видишь, как все сложно!.. Погоди, Ривалдуй. Вдарить всегда успеется.

– Ракету давайте, – гнусными голосами снова затянули аборигены. – И самокрутку.
– Что же делать, кэп? – всполошился Пупель Еня. – Они ведь точно не отстанут. И как нам теперь...

– Бороться, – упрямо сказал капитан. – До самого победного конца. В противном случае потомки не поймут...

Он заложил руки за спину и, важно расхаживая среди посадочных распорок, принялся размышлять. Потом засвистел поганую кадрили. И даже ножкой пару раз изобразил.

Пункт восемнадцатый

Аборигены, вытянув шеи и замерев, готовые ко всякому подвоху, с тревогой наблюдали за капитаном.

– Тэк-с, тэк-с, приятели, – наконец повернулся к ним капитан и покачался с пятки на носок. В голосе его вдруг зазвучали мстительность и торжество. – А вот сгоняем-ка партейку в шахматишки! Ставлю на кон ракету!

– С ума сошел! – с неподдельным ужасом схватился за голову Ривалдуй. – Погубишь всех!

– А черта лысого! – скривились аборигены. – Нам не надо. Играй сам с собой, если приспичило.

– Мнэ-э... – чуть растерялся капитан, но тотчас взял себя в руки. – Вон оно как... Вы, значит, сомневаетесь... Интересно! – Он глубокомысленно покивал. – Ну, что ж, могилу себе роете. Ладно... Но только запомните: если инспектор говорит поселенцам, что настоятельно желает сразиться с ними в шахматы, они **обязаны** повиноваться беспрекословно.

– Ты – не инспектор. Наглое вранье, – твердо сказали аборигены.

– О! – прошептал Ривалдуй и с живейшим интересом посмотрел на капитана.

Каша заваривалась на пустом месте.

Пупель Еня обеспокоенно крутил головой и ничегошеньки пока не понимал.

– Ты не инспектор, – повторили вразнобой туземцы. – И не спорь. Нашего инспектора мы знаем.

– Ах, вы так?! – воскликнул, распаляясь, капитан. – Арестовали меня ни за что да еще отказываетесь признавать во мне начальника?! Фалдец, все кончено! Только дуэль спасет вас от моего праведного гнева.

– Дуэль... – эхом повторил Ривалдуй, будто пробуя на язык непривычное словечко. – А я-то думал, только в старых книжках так бывает... Чудеса!

– Не чудеса, а проза жизни, – подавляя вздох, сказал Матрай Докука. – Звериный оскал борьбы за выживание. Я не могу безропотно уйти!..

– Кэп, но они же изрешетят тебя пулями! Они – такие... – с отчаянием пролепетал Пупель Еня.

– Не мешай! Молчи! – нетерпеливо огрызнулся капитан. – Вечно путаешься под ногами. Я спортсмен. Я – шахматист! Известно всем...

– Только тебе, только тебе, – трагической скороговоркой вставил Ривалдуй.

– Нет, всем!

– Ничего не знаем, – отрезали аборигены, – и знать не хотим. Вот так. Рассказывай кому-нибудь еще... С инспекторами дел не имели, играть не будем, на дуэль – не пойдем. И точка. Отдавай ракету по-хорошему.

В воздухе повисла тоскливая тишина.

– Кэп, они требуют, – простонал Пупель Еня. – Ишь, как обозлились... И, похоже, не уймутся...

– Себе ведь на голову, только и всего. Ничтожества! – презрительно пожал плечами капитан, окончательно входя в новую роль. – В таком случае выбор оружия остается за мной. Предлагаю биться... взглядами!

– Какие взгляды?! Кэп, ты что такое говоришь?! – перепугался Ривалдуй.

– Совсем уже... – убито охнул Пупель Еня.

– Самое ужасное оружие, какое мне известно, – радостно соврал Матрай Докука. – Именно! Взгляды на жизнь, взгляды в упор, взгляды вождей и все такое... Новинка сезона. Я еще не демонстрировал, нарочно припасал... Ну, карачун вам всем пришел!

И, не давая аборигенам опомниться, капитан моментально приступил к делу.

Правую ногу отставив чуть-чуть назад, левую же, как положено по этикету, выдвинув чуть-чуть вперед, а руки строго опустив по швам, он принял позу матерого дуэлянта (от рождения – левши, чтоб этим качеством заранее ошеломить противника) и вперил сатанинский взгляд в балдеющих туземцев.

Те никак не могли взять в толк, что происходит. И что теперь их ждет...

По этой причине они уже через минуту, не желая дальше искушать судьбу, сложились, на всякий случай перетрусил и вразнобой наладились канючить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.